Убийство в Озерках

Автор:
Мария Шкатулова

Убийство в Озерках

Мария Шкатулова

Детективное ассорти

Он знает, что обречен. Женщины любят героев, удачливых, сильных, смелых, а он… Бездомный, выброшенный из жизни человек… Кому он нужен? И зачем он написал ей? Он и сам не знал. Он даже не был уверен, что она получит его записку… Просто она была последним живым впечатлением его вольной жизни, его последней любовью – странной, несостоявшейся. Он ничего не ждал от нее, ни на что не надеялся…

Мастерски выстроенная интрига, неожиданная развязка, прекрасный литературный язык – все это детективы известной писательницы Марии Шкатуловой, снискавшей любовь читателей.

Мария Шкатулова

Убийство в Озерках

Часть первая

В ее жизни был единственный мужчина – кот Вася, которого она подобрала в позапрошлом году в институтском дачном поселке, где она и ее подруга Марго снимали комнату с верандой. Лето было дождливое, и они проводили большую часть времени, валяясь на казенных кроватях, читая привезенные из Москвы старые толстые журналы и поедая кислую черную смородину из больших эмалированных кружек. Смородину Нина не любила и ела только потому, что чувствовала себя виноватой перед Марго, которая рвалась на юг или за границу и которую Нина уговорила провести август в Подмосковье. «Раз уж ты лишила себя и меня возможности нормально отдыхать, ешь хотя бы витамины», – ворчала Марго и зорко следила, чтобы к вечеру Нинина кружка была пуста.

* * *

Кот Вася появился почти сразу после их приезда. Он стоял под крыльцом, мокрый, грязный, голодный, и, когда Нина пошла в кухню за мясом, Марго сказала: «Ты совершаешь ошибку: он привыкнет, и ты не сможешь от него отвязаться».

В конце августа дожди прекратились, но нужно было возвращаться. Нина посадила кота в большую хозяйственную сумку на молнии и привезла в Москву.

Кот Вася был единственным существом, с которым она вела себя как женщина, полностью подчиняющаяся мужской воле. Когда он возвращался домой после ночи, проведенной в обществе окрестных кошек, она бросала свои дела, бросала работу, уборку, интересную книгу, даже телефонный разговор с подругой, и, пробормотав: «Я тебе перезвоню», – бежала в кухню, чтобы покормить его.

Вася шел за ней следом не спеша, с достоинством, не издавая ни звука, в отличие от большинства избалованных домашних кошек, которые мяукают, требуя пищи, и было видно только, как при ходьбе энергично шевелятся его лопатки. Поев, он возвращался в комнату, ложился на ковер и начинал вылизывать шкурку, а когда туалет был закончен, поднимал на Нину сонный взгляд, который, казалось, говорил: «Ну вот, женщина, теперь, когда я сыт, можешь подойти и приласкать меня. А потом я буду спать».

Она жила на первом этаже, и каждый вечер, часов в одиннадцать, Вася уходил через балкон и исчезал в кустах боярышника, росшего вокруг дома. Возвращался он утром и пробирался в квартиру через приоткрытую створку окна.

Он никогда не поддавался слабости и не демонстрировал ей свою любовь открыто, но, возвращаясь зимой, в сильный мороз, усталый и голодный, никогда не позволял себе будить ее, зная, как она любит поспать по выходным. Он сидел за окном, весь заиндевевший, и, ничем не выдавая своего присутствия, терпеливо ждал, пока она проснется и откроет ему.

Она же, уважая его своенравный характер, никогда не позволяла себе взять его на руки, как бы ей этого ни хотелось, и минуты нежности между ними бывали только тогда, когда он сам, по собственной воле, прыгал к ней на колени и сворачивался клубочком, мурлыча и доверчиво прижимаясь к ней.

* * *

Марго (она работала вместе с Ниной на факультете журналистики, где они обе преподавали английский язык) ругала ее: «Что-то ты рано приобретаешь повадки старой девы. Смотри, Нинон, как бы лет через пятнадцать ты не превратилась в сумасшедшую старуху с дюжиной кошек».

Нина не обижалась: она давно свыклась с мыслью, что в любви ей не везет и личное счастье не светит. Замуж она вышла рано, еще студенткой, и до окончания института развелась, так и не успев толком понять, что такое семейная жизнь. Из всего, что судьба посылала ей в последующие годы, в памяти у нее остались три неудавшихся романа.

Первый начался, когда она случайно встретила некоего Вадима, бывшего поклонника своей бывшей сокурсницы Лёли Долецкой. К тому времени, впрочем, это был уже Вадим Петрович, довольно импозантный господин лет сорока, с чувством юмора и некоторым обаянием. Они начали встречаться, ходить на выставки, в кино (в те времена еще ходили в кино) и просто погулять. Один раз были в консерватории, где Нине, правда, показалось, что он в какой-то момент задремал, но после концерта, когда они вышли под мелко моросящий дождь, он сказал несколько умных слов по поводу звучания оркестра и исполнительской манеры солиста, и такой уютной казалась улица Герцена при свете фонарей, и ему так шел шелковый шарф с «огурцами», и было так приятно опираться на

мужскую руку. В тот вечер он впервые остался у нее.

Он приходил к ней раз или два в неделю, говорил, что ему хорошо у нее, что она – единственный человек, с которым он чувствует себя в своей тарелке, и очень любил поговорить о себе. Нина (тогда она еще жила в коммуналке у Покровских Ворот) с удовольствием ждала его, готовила что-нибудь вкусное, стелила белую скатерть, ставила свечи в старинных подсвечниках и цветы в маленькой вазочке из прибалтийской керамики и слушала его рассказы, иногда – с улыбкой, иногда – незаметно проглатывая напрашивающийся зевок. Словом, все было хорошо.

В том же году достроился наконец кооперативный дом, в котором она получила однокомнатную квартиру на первом этаже. Они вместе поехали посмотреть, и оказалось, что новая квартира, где рабочие устроили что-то вроде склада строительных материалов, нуждается в ремонте. Вадим предложил помочь.

Сначала она отказывалась, говорила, что не может принять от него такую жертву, что ему придется работать по выходным – а это так утомительно! – и что у нее достаточно денег, чтобы заплатить рабочим. Вадим настаивал. Говорил, что ему вовсе не трудно, что лишние деньги лучше потратить на импортные материалы, что уют в доме надо устраивать самим, что никто никогда не сделает ей ремонт лучше него и что, наконец, разве они не близкие люди? И Нина сдалась.

Они вместе ездили по магазинам в поисках дефицитных югославских обоев, чешской плитки и гэдээровской краски, а в институте, сидя на кафедре в перерывах между занятиями и листая иностранные журналы, Нина рассматривала фотографии интерьеров и мечтала, как они вместе будут вить себе гнездо.

Когда все необходимое было закуплено и Вадим приступил к работе, оказалось, что он действительно умеет делать все: белить потолки, клеить обои, класть кафель и даже менять сантехнику. Нина с удовольствием наблюдала за точными движениями его рук и искренне восхищалась результатами его труда, а он, поощряемый ее восторгами, вдохновенно трудился дальше. Однако вскоре оказалось, что восхищаться надо постоянно, постоянно в буквальном смысле слова: Нина заметила, что он бывал недоволен даже тогда, когда она на несколько минут выходила из комнаты, где он работал, в кухню или коридор, чтобы заняться там каким-нибудь делом, а уж о том, чтобы отпустить ее домой приготовить обед или убраться, не могло быть и речи. Она должна была стоять

рядом, чем бы он ни занимался, и восторженно комментировать каждое его движение. Впрочем, он и сам не отказывал себе в комплиментах. «Ну как? – спрашивал он, приклеив к стене полосу обоев. – Ни одной складочки, ни одного перекоса». Или, распылив по потолку немного побелки: «Нет, ты посмотри, какой ровный слой, а? Все-таки вот, скажи, что значит рука мастера, а?» Нина смотрела, всплескивала руками, даже отходила немного в сторону, как делают, когда любуются картиной гениального художника, и говорила: «Потрясающе! Просто потрясающе! Где ты этому научился?»

К концу дня она страшно уставала. Уставала не от работы (работать она не могла, потому что он все время настаивал на ее присутствии возле себя), а как раз от безделья и постоянного напряжения. Она чувствовала себя как плохая актриса, которая ненавидит свое ремесло и у которой к тому же температура или заложен нос, а она должна, несмотря ни на что, ежедневно являться в театр и играть чувствительные сцены в одном и том же надоевшем спектакле.

Она постоянно грызла себя за это, обвиняла в черствости и неблагодарности, оправдывала его: «Ему, в конце концов, приходится намного тяжелее, чем мне. Ведь он работает, и работает хорошо, а я ничего не делаю и только ворчу. И потом, он, наверное, не уверен в себе, у него комплексы, проблемы, ему нужна поддержка, а у меня… просто плохой характер», – вздыхала Нина и тут же, вспоминая подробности прошедшего дня, с ужасом понимала, что ей было бы в сто раз легче самой побелить потолок или наклеить обои, чем целый день стоять возле него и говорить комплименты. «Как же так! Как он может? Ведь он мужчина!»

Ремонт затягивался, потому что работали они только по выходным. Нина стала раздражительной и скучной, сил на комплименты у нее оставалось все меньше, и отношения у них стали портиться.

Однажды в институте, на семинаре по переводу, ее студент принес рассказ одного малоизвестного американского писателя. В рассказе речь шла о человеке, от которого ушла жена. Чтобы как-то заглушить тоску, он решил заняться ремонтом дома и, подыскивая рабочих себе в помощь, прочитал объявление в местной газете, в котором какая-то ремонтная фирма предлагала свои услуги за очень небольшое вознаграждение. Он обратился туда, и на следующий день у него в доме появилась бригада чернокожих рабочих. Работу они делали превосходно, и цены у них были действительно смехотворные. Когда ремонт был закончен, хозяин предложил бригадиру выпить с ним в честь

успешного завершения работ и за кружкой пива рассказал о своих личных горестях. Бригадир, сочувственно глядя на него, кивал, а хозяин, рассказав все, почувствовал, что ему стало немного легче. И тут его осенило.

– Послушайте, – сказал он чернокожему, – вы взяли с меня три доллара за покраску забора и пять за ремонт крыши. Что, если я предложу вам прийти ко мне завтра днем посидеть со мной за кружкой пива, пока я буду рассказывать вам о своих неприятностях? Не работать, а просто посидеть и послушать и, разумеется, не бесплатно? Вы бы согласились?

– Почему бы и нет? – ответил рабочий, – Могу и прийти.

– И сколько бы вы, к примеру, за это взяли? Ну, скажем, часа за два?

– Двести долларов, – ответил тот.

«Ну, конечно, конечно, – говорила себе Нина, – освободиться от этого ужасного гнета, любой ценой, любыми средствами. Жить в квартире с недоделанным ремонтом, влезть в долги (денег, чтобы нанять рабочих у нее уже не было) – все что угодно, но быть свободной, свободной, свободной!»

Марго, которой Вадим нравился, как всегда, ругала ее:

– В кои-то веки тебе попался приличный мужик, красивый, интеллигентный, с чувством юмора…

– Да что ты понимаешь! – возмущалась Нина, – Его чувства юмора хватает на все, только не на самого себя, а ведь это главное!

– Ты просто зажралась, – отвечала Марго, которой самой не слишком везло в личной жизни.

Второй роман случился несколько лет спустя, уже в «новые времена», и был очень коротким. Однажды Марго потащила ее на какую-то презентацию, и там к ним подошел слегка подвыпивший господин лет пятидесяти в дорогом костюме. Он принялся опекать их, подливал мартини, давал прикурить, шутил и поглядывал на Нину. О себе сказал, что зовут его Олегом Семеновичем, что

работает он в крупной нефтяной компании, что недавно овдовел и теперь скучает, а когда презентация и фуршет закончились, предложил развезти их по домам.

Крыша новенького черного «форда» поблескивала каплями дождя. В машине пахло кожей, хорошим табаком и благополучием. Марго закурила и положила ногу на ногу: вид у нее был такой, будто она всю жизнь только и делала, что разъезжала на дорогих иномарках.

– Я живу в двух шагах отсюда, на Пречистенке, поэтому сначала давайте разберемся со мной, – сказала она.

Выходя из машины, она незаметно ущипнула Нину за ногу, что означало: «Не зевай!»

На следующий день Олег Семенович позвонил Нине и пригласил ее в Большой театр, где гастролировала знаменитая французская балетная труппа. «Почему бы и нет?» – подумала Нина и попросила Марго одолжить ей норковый палантин.

После театра он довез ее до дому, но в гости напрашиваться не стал, что Нине очень понравилось, а только спросил, не согласится ли она сходить с ним как-нибудь пообедать. «Почему бы и нет?» – опять подумала Нина, и в ближайшую субботу они пили настоящее французское шампанское в одном из самых дорогих московских ресторанов. Потом они побывали на модной выставке, потом на концерте американской поп-звезды, потом опять в ресторане, и Нина постоянно ловила на себе его плотоядный взгляд. После каждой встречи Марго с пристрастием допрашивала ее: «Ну как? Он что-нибудь родил наконец? Нет? До сих пор нет? Значит, точно влюбился», – и торжествовала победу.

Нина лениво отбивалась, говоря, что, во-первых, ничего еще не точно, а, во-вторых, ей в этой ситуации гораздо важнее понять, не влюблена ли она сама. «А ты, конечно, не влюблена?» – с сарказмом вопрошала Марго, которая влюблялась часто, быстро и страстно и так же быстро и бурно охладевала к своим избранникам, если не находила в них ответного чувства: «Черт с ним! Что этот болван понимает в женщинах! Не хочет – пусть себе сидит со своей Фефёлой Ивановной! Ему же хуже».

Когда они встретились в очередной раз, Олег Семенович был без машины и предложил погулять, а потом где-нибудь пообедать. Вечером они вышли из ресторана, и Олег Семенович стал ловить такси, но Нина сказала, что до ее дома проще добраться на метро. Олег Семенович рассмеялся: «На метро? Забавно! Сто лет не ездил в метро!»

На лестнице, ведущей к платформе, стояла женщина с двумя детьми и просила подаяние. В руке она держала небольшую картонку, на которой Нина, скосив глаза, издали различила слово «люди», написанное крупными печатными буквами. Олег Семенович, отбросив полу темно-синего кашемирового пальто, остановился возле женщины и, чуть-чуть склонив корпус, начал читать. Нина сделала несколько шагов вниз и неловко остановилась на ступеньках. Она не понимала, для чего он это делает и почему не может дать ей немного мелочи просто так, не читая, но терпеливо ждала.

Однако Олег Семенович, прочитав все до конца и не дав женщине ни копейки, спокойно двинулся вниз, и по его лицу Нина поняла, что он собирается сказать что-то смешное. Она растерялась. Что делать? Вернуться к женщине и дать ей денег? Она бы дала и так, если бы не была уверена, что это собирается сделать ее спутник. Но теперь? Разве это не означало бы обидеть его? Нина почувствовала, что от стыда у нее горит лицо.

Потом она много раз ругала себя за то, что не сделала этого. «Чего я испугалась? Почему ничего не сказала ему? Неужели потому, что он такой солидный господин в дорогом пальто? Или потому, что он старше меня? Или я просто не хотела потерять “перспективного” поклонника? Какая гадость!..»

Больше они не встречались. Он еще звонил ей несколько раз, куда-то приглашал, но Нина, сердясь не столько на него, сколько на самое себя, каждый раз отказывалась, отговариваясь то занятостью, то недомоганием, то чем-нибудь еще. А потом он пропал.

* * *

Потом довольно долго на горизонте ее личной жизни никто не появлялся.

– Ты очень пассивна, – говорила ей Марго с видом знатока. – С твоими внешними данными ты давно бы уже могла подцепить кого угодно…

– Не будем преувеличивать, – лениво отбивалась Нина. – Какие там данные могут быть в моем возрасте?

– Тридцать девять – это не возраст, моя дорогая, и не надо со мной кокетничать, я не мужчина. Как говорится, раньше мы были молодые и красивые, а теперь – просто красивые. Беда, правда, в том, – она вздыхала, – что долго, к сожалению, это не продлится. Еще немного, и тогда уж точно никто не посмотрит в нашу сторону.

– Что ты предлагаешь?

– Прежде всего – не бросаться такими, как этот Олег Семеныч. Чем он плох? Подумаешь, не подал рубль какой-то дуре, которой лень пойти работать и которая мучает своих детей, заставляя их стоять в душном метро на грязной лестнице. Ну и что? Может, у него просто не было мелочи?

– Да нет, – отвечала Нина, поморщившись, – Мелочь тут ни при чем: его проблема совсем в другом…

– Ах ты, боже мой! Скажите, пожалуйста! А где ты видела идеального мужика? Вспомни, например, моего Женечку, который тебе всегда так нравился. Хочешь, я расскажу тебе про него одну историю?

– Какую историю?

Женечка, то есть Евгений Михайлович, бывший Маргаритин муж, а теперь любовник, с которым она то встречалась, то расставалась, то снова встречалась, был не очень удачливым кинокритиком и довольно капризным господином. Нине он не то чтобы нравился, скорее она просто привыкла к нему за долгие годы общения.

– Какую историю? – переспросила Марго. – Историю, о которой я никогда никому не рассказывала, даже тебе. И даже не знаю почему.

Нина недоверчиво взглянула на нее:

– Ты уверена, что хочешь рассказать ее сейчас?

– Да все равно! – вздохнула Марго. – Когда-то меня это волновало, а теперь…

– А что теперь? – спросила Нина и тревожно посмотрела на подругу.

Та поднесла к губам сигарету и, прикурив, выпустила вверх струю голубоватого дыма.

– «Теперь, теперь», – передразнила Марго. – Сперва я расскажу тебе, что было семнадцать лет назад, вскоре после того, как мы познакомились. Помнишь, когда я окончила институт, отец разрешил мне пользоваться его машиной: сам он в это время уже почти не ездил из-за сердца. И еще: помнишь Федоровичей? Они тогда жили на Плющихе, и мы с Женькой часто заезжали к ним по вечерам.

– Конечно, помню! Мы с тобой тоже бывали у них иногда.

– Так вот, мы тогда с Женькой встречались почти каждый день, и почти всегда я была на машине. Мне было приятно повыпендриваться, да и ему это ужасно нравилось, и время от времени он просил у меня разрешения немного порулить. Водить машину он практически не умел, но немного поездить в каком-нибудь безопасном месте, где-нибудь во дворе, я ему, конечно, разрешала. И вот в один прекрасный день, вернее прекрасный вечер (это было в конце лета, кажется в августе), приезжаем мы к Федоровичам: я за рулем, Женька – рядом, въезжаем во двор, и тут-то он мне и говорит: «Ты иди, а я немного поезжу и сам припаркую машину». – «Хорошо, – говорю, – валяй». И поднимаюсь к Федоровичам, у которых, как всегда, шумно и весело, и иду на кухню к Татьяне, помогаю резать какой- то салат. Минут через пятнадцать приходит Женька, какой-то сам не свой. Смотрю, то ли настроение у него испортилось, то ли Федоровичи его своей болтовней раздражают – не знаю, но и ни о чем не спрашиваю. Посидели мы у них меньше обычного, потому что никак ничего не склеивалось из-за его настроения, и решили ехать. Спускаемся. Во дворе темно, машина стоит в неосвещенном углу между гаражом и газоном. Подходим к машине, садимся, выезжаем со двора на улицу, и тут он мне говорит: «Знаешь, Марго, что-то у меня голова болит: отвези- ка ты меня домой». Ладно, думаю, домой так домой. Может, думаю, действительно у мужика так разболелась голова, что ему не до

глупостей. Отвезла его домой, вернулась к себе, поставила машину на стоянку рядом с соседской «Волгой», и, когда поднялась в квартиру, было уже, наверное, часа два ночи. На следующий день (не помню, то ли утром, то ли днем) встречаю я в подъезде соседа, хозяина той самой «Волги». «Где это вас так помяли, Маргарита Витальевна?» – спрашивает. Как это, возмущаюсь, помяли? Никто меня не мял. Да не вас, конечно, – представляешь, сукин сын? – а вашу машину. Машину, говорю, тем более. Фару, говорит, придется менять, а крыло ничего, выправят. Бросаюсь во двор, подхожу к машине, вижу: левое крыло около фары действительно помято, фара разбита и ободок погнут. А машина – отцовская. И в субботу мне его на этой машине везти на дачу. И отец, как всегда, машину внимательно осмотрит – собственность все-таки – и, конечно, все увидит. А ты моего отца помнишь и знаешь, следовательно, чем мне все это могло грозить… Ну, думаю, как же это могло произойти? Первым делом заподозрила этого самого соседа: мол, сам стукнул, сам же и дурака теперь валяет. Потом, слава Богу, опомнилась: сообразила, что сделать этого он никак не мог, потому что такой удар можно нанести только спереди или слева, а его машина стоит справа, так что сосед тут явно ни при чем. Что же, думаю, это такое? Выходит, я сама где- то стукнулась и не заметила? Клянусь тебе, я самым серьезным образом обдумывала эту дурацкую гипотезу, так как дать этому событию то единственное объяснение, которое напрашивалось само собой, я не могла.

– То есть ты думаешь, это сделал Женя?

– Да чего тут думать? Я же не могла на самом деле удариться и не заметить этого. Кроме того, незадолго до встречи с Женькой я мыла машину, и если бы что-нибудь было… До того момента, как мы подъехали к Федоровичам, я из машины никуда не выходила и машину нигде не оставляла, значит…

– Но ведь ее могли помять, пока она стояла во дворе у Федоровичей?

– Не могли. Я же говорю, она стояла между гаражом и газоном, и сбоку никакая другая машина подобраться к ней не могла. Я это прекрасно помню, тем более что в тот же день специально приехала во двор к Федоровичам, чтобы исследовать такую возможность, и, к сожалению, вынуждена была эту версию отбросить.

– А Женя?

– Что – Женя? – Марго с удивлением взглянула на нее.

– Что он сказал? Вернее, что ты ему сказала?

– Вот именно, «вернее»… Что сказала? Сказала, что так, мол, и так: вышла во двор, увидела, что машина помята, спросила, не знает ли он, как это могло случиться…

– Ну? А он? Да не тяни же!

Марго усмехнулась.

– Да что ты, в самом деле? Как будто не знаешь, что он сказал?

– Откуда же мне знать! Ты мне никогда об этом не рассказывала! – наивно ответила Нина.

– Господи, Нинон, что тут рассказывать? Неужели непонятно: если он ничего не сказал сразу, значит, не собирался делать этого и впредь.

– Но ты уверена, что…

– Оставь, пожалуйста, – Марго досадливо махнула рукой. – Кто же еще, если не он? Потому-то он и был такой нервный, когда поднялся к Федоровичам. Машину он водить не умеет, во дворе темно, тесно, вот он и стукнулся. Я только потом сообразила: ведь когда мы подъехали к их дому, он был такой веселый, чего-то шутил. И у Федоровичей обычно сидит, разливается соловьем, а тут, видите ли, голова разболелась…

– И все-таки, что он тебе сказал?

– Да ничего. Сказал, что понятия не имеет. Что, наверное, кто-то стукнул. И все.

– А ты? Ты не намекнула ему, что кое о чем догадываешься? – Нина испытующе посмотрела на подругу.

– Псс! – фыркнула Марго. – «Намекнула!» Скажешь тоже! Мы же «интеллигентные» люди, твою мать! Мы боимся ранить, боимся притронуться к больному месту, боимся поставить в неловкое положение – мы носимся с ними как… как…

Нина засмеялась.

– Ты же только что ругала меня именно за то, что я не хочу с этим носиться!

– Брось, пожалуйста… Не знаю, с чего я сейчас так завелась… Вчера мы с ним поругались, вот я и… А так… мужик как мужик. Немного жадный, трусоватый, а в остальном – ничего. Я тебе к тому все это и говорю, что если подходить к ним со слишком высокими мерками, то так и будешь сидеть всю жизнь одна.

– Да я уже и сижу! И ничего, не так уж мне и плохо. И знаешь почему? Потому что то, что ты называешь «немного жадным и трусоватым», – это не мужчина. И меня это не возбуждает. – Нина помолчала. – А почему ты вспомнила сейчас эту историю про Женю?

Марго поморщилась.

– Да так… говорить не хочется.

– И все-таки?

– Да знаешь, лежим мы с ним вчера в постели. Женька превзошел сам себя: был как молодой петушок. Лежим мы с ним, курим, расслабленные такие, счастливые, вспоминаем молодость, как познакомились, как целовались на каком-то чердаке, как он первый раз к моим родителям пришел, как с отцом спорил и так далее. Федоровичей вспомнили, конечно. И тут черт меня дернул сказать: «Женька, ты хоть теперь можешь признаться, что это ты тогда мою машину… того?»

– О, господи, зачем?!

– Зачем, зачем… Я-то, дура, решила, что дело прошлое: мало ли каких глупостей мы не натворили в молодости? А теперь вспоминаем об этом как о чем-то таком,

что было не с нами. Я, например, в юности писала стихи и ни за какие коврижки не соглашалась их показывать кому бы то ни было – стеснялась. А теперь – мне совершенно все равно, будто и не я их писала.

– Ах, стихи… – сказала Нина. – Ну хорошо, и что же?

– Ты будешь смеяться, но я была уверена, что он поступит как благородный идальго и скажет: «Прости меня, Марго. Я, конечно, трус, но не настолько. Это сделал я, но тогда я не мог сознаться, потому что боялся твоего папашу, а потом, что ТЫ будешь считать меня трусом. А теперь я так счастлив, что с меня свалилась эта гора…» Ну и так далее. И мы, как водится, сливаемся в экстазе…

Нина улыбнулась.

– А вместо этого?

– Вместо этого он вскочил как ошпаренный и заорал: «Выходит, ты все эти годы считала меня подлецом? И жила со мной? И сейчас продолжаешь считать? Да как ты могла?» И пошел, и пошел…Ты ведь знаешь, какой он зануда? Для него до сих пор важнее, что о нем говорят, чем то, что он такое на самом деле. А ведь ему уже пятьдесят…

– И чем все это кончилось?

– Как – чем? Он ушел. И уж теперь, сама понимаешь, вряд ли вернется. – Марго закурила. – Видишь теперь, к чему приводит принципиальность? А вообще… – Она опять вздохнула. – Еще недавно мне казалось, что у нас снова может что-то получиться, а теперь… Я даже не знаю, хочу я этого или нет?

* * *

Так они обе оказались в одиночестве. Марго, впрочем, не унывала. «Ну что, да здравствует свобода? Или мы с тобой опять – девушки на выданье? А знаешь, Нинон, я ни о чем не жалею… Более того: я знаю, что надо делать, чтобы все устроилось. Вот послушай: если хочешь преуспеть в личной жизни, надо утром вставать, обязательно выспавшись, принимать душ, лучше контрастный, надевать хорошенький халатик… Слышишь? Не какой-нибудь, из советской

байки с оторванными пуговицами, а хорошенький стильный халатик! Делать прическу, варить кофе и пить его из маленькой чашечки… непременно из маленькой! У тебя есть маленькая фарфоровая чашечка для кофе?

– Ты же знаешь, Марго, кофе я не пью.

– Ах ну да, я забыла – ты же у нас англоманка. Что ж, пусть будет чай. У тебя есть фарфоровая чашка для чая?

– Для чая – есть.

– Прекрасно! И не надо на меня так смотреть. Так вот: причесываешься, одеваешься и пьешь чай…

– Как? И все это – одна? – спросила Нина, еле сдерживая смех.

– Ну конечно! Ты должна ощущать себя Женщиной. И не просто Женщиной, а красивой и независимой, то есть такой, которая живет в свое удовольствие. И как только ты станешь сама себя так ощущать, это сразу же заметят другие, вот увидишь. А вечером – ты меня слушаешь? – ванна, прическа, макияж, платье, туфли… Заметь, не тапочки, а туфли, и не на босые ноги, а на хорошие дорогие колготки и… украшения. Да, и маникюр. Непременно. Что ты смеешься?

Нина смеялась, потому что на самом деле уже давно научилась жить «для себя». Она не слишком рано вставала, потому что на факультете давно прошли те времена, когда на занятия надо было являться к половине девятого, и для «своих» девочки из деканата составляли вполне гуманное расписание, и не слишком задерживалась на кафедре после занятий. Материально она была вполне обеспечена: правда, ей приходилось давать частные уроки, но двух-трех в неделю ей вполне хватало, а это занимало не слишком много времени. В остальном она жила, что называется, в свое удовольствие: ходила по театрам (иногда с Марго, иногда с кем-нибудь еще), посещала все мало-мальски интересные выставки, часто бывала в консерватории, иногда позволяла себе заглянуть в какой-нибудь бутик и купить понравившуюся шмотку, а на зимние каникулы даже отправиться в какую-нибудь не очень дорогую поездку в Испанию или Италию. Но больше всего, пожалуй (во всяком случае, с тех пор, как в ее жизни появился Вася), любила просто побыть дома.

Квартирка у нее была маленькая, но очень уютная: диван-кровать, довольно старый, но недавно заново перетянутый, кресло, обитое той же тканью, тоже старое, доставшееся ей после смерти матери, когда отец переехал к новой жене под Туапсе; стеллаж с книгами, стоящий углом и вечерами уютно освещенный торшером, и, наконец, ручной работы ковер, небольшой и не новый, но удачно сочетающийся по цвету с мягкой мебелью и шторами. И много цветов.

Год назад ей повезло, и после большого перерыва ей удалось на три месяца съездить в Англию, по обмену. Она жила в Лондоне, на Кенсингтон-роуд, и каждый день через Гайд-парк, по зеленым газонам которого свободно расхаживали птицы, бегала в Summer School, где проходила ее стажировка. Выходные проводила в музеях, а вечерами гуляла по Лондону, пешком доходя до зданий парламента, Биг-Бена, спускалась к Темзе, долго стояла, глядя, как по реке проходят суда, и возвращалась через залитую рекламными огнями Пикадилли.

Денег у нее было немного, но перед самым отъездом она все-таки позволила себе купить на Портобелло-роуд синий фаянсовый кувшин, несколько синих же тарелок и несколько вещиц веджвудского фарфора, потратив на это все, что у нее оставалось.

Вернувшись в Москву, Нина устроила себе уголок в английском стиле: переставила кресло ближе к стеллажу, повесила на стену одну из привезенных синих тарелок и несколько гравюр с изображением псовой охоты – всадники, свора собак, охотничьи рожки, трогательный английский пейзаж – и расставила на полке свой «веджвуд». И очень гордилась этим уголком.

В кухне повесила занавески и ламбрекен из настоящей шотландки, поставила на видное место синий кувшин, в котором летом замечательно смотрелись желтые тюльпаны или ромашки, а зимой – бессмертники, и чуть ли не каждый день начищала маленький медный чайник с деревянной ручкой, сделанный «под старину».

До платья и прически по вечерам дело, конечно, не доходило, но хорошенький халатик и уютные тапочки у нее были, и вечерами, задернув шторы, она включала торшер и устраивалась на диване, чтобы почитать или поболтать по телефону.

– Что делаешь? – спрашивала у нее Марго.

– Ничего. Валяюсь с «Мадам Бовари».

– Ну, это уже извращение, – хохотала Марго. – Я хоть, по крайней мере, валяюсь с «Идиотом».

Раз в неделю, получив газету с телевизионной программой, Нина отмечала в ней любимые передачи, которых, правда, было немного, но все же иногда, особенно зимой, ей нравилось устроиться перед «ящиком» с Васей на коленях или, еще лучше, посмотреть по видео хороший фильм на английском языке, принесенный на кафедру кем-нибудь из коллег.

Засыпая, она всегда думала о чем-нибудь приятном: вспоминала лондонские парки, зеленые газоны, всадников в элегантных костюмах или последнюю поездку в Венецию, гондолы, дворцы, отражающиеся в зеленой воде Большого канала, – и никогда не позволяла себе поддаваться унынию. Словом, у нее все было хорошо.

2

Третий роман, вернее, не роман, а какая-то совершенно нелепая история, приключившаяся по ее собственной глупости, начался годом позже, когда Нина после маленькой вечеринки, устроенной на кафедре в честь европейского Рождества, возвращалась домой.

Накануне, как всегда, немного поспорили: одни говорили, что не годится отмечать католическое Рождество в православной стране, другие – что не надо отделяться от цивилизованного мира и что, в конце концов, Рождество празднуется в стране изучаемого языка и преподавателям не грех его отметить. Вскоре на стенах кафедры появились бумажные гирлянды, на столе у Ирмы Петровны, заведующей кафедрой, – крошечная елка, украшенная мишурой, а в графине на подоконнике – даже веточка остролиста, привезенная Джоном Эштоном, англичанином, работавшим у них по обмену.

Все собрались к двум часам. На столах, аккуратно застеленных бумажными салфетками, стояли тарелки с бутербродами и пирожными и несколько бутылок

шампанского. Ирма Петровна, взяв в руки пластиковый стаканчик, произнесла краткий спич по-английски, в котором поздравила коллег с Рождеством и выразила надежду, что предстоящая сессия пройдет как всегда успешно, а знание иностранных языков будет и впредь способствовать укреплению связей между народами. Выпили шампанского, поздравили Джона, который, принимая поздравления, все время пытался что-то сказать по-русски, и у него это никак не получалось, и, когда за окном стало совсем темно, Нина заторопилась домой.

Шел снег. Нина решила, что по случаю Рождества может чем-то побаловать себя, и, зайдя в гастроном, купила авокадо, креветки, нарезанную тонкими кусочками семгу и крошечный круглый тортик, украшенный тертым кокосом и тропическими фруктами. К тому же дома ее ждала бутылка французского вина, купленная еще накануне, и кем-то подаренная коробка английского чая.

Нина вошла в подъезд, стряхнула с себя снег, достала из сумочки ключи, вспомнила, что уже несколько дней не заглядывала в почтовый ящик и что от отца к Новому году вполне могло быть письмо.

Она вытащила целый ворох рекламных изданий и газет и принялась внимательно разбирать их, чтобы не пропустить конверт или открытку, как вдруг с площадки первого этажа до нее донесся то ли вздох, то ли стон. Она прислушалась, но в подъезде было тихо. «Показалось», – подумала она и, не обнаружив письма, выбросила всю кипу в картонную коробку. Поднялась на площадку, повернула налево, к своей двери, вставила ключ в замочную скважину, и тут ей снова послышался какой-то посторонний звук. Она резко повернула голову: около лифта никого не было, но часть площадки, расположенная под первым пролетом лестницы, была ей не видна. Она снова прислушалась: было тихо, но ей показалось, что она различает слабый запах винного перегара. «Там кто- то есть», – подумала она и быстро вставила ключ в замочную скважину.

Когда дверь в квартиру была открыта, ей было уже не так страшно, и она решилась заглянуть под лестницу.

Несколько лет назад кто-то из жильцов построил там что-то вроде кладовки для хранения старых автомобильных покрышек, канистр из-под бензина и прочего автомобильного хлама, который жена не разрешала держать в квартире. Год или два назад жилец переехал, и оставшуюся безхозной кладовку разломали, но не до конца: уцелела часть дощатой перегородки, отделявшей закуток под

лестницей от отрытой части площадки. В этом-то закутке, почти в темноте, и сидел, подложив под себя большие листы картона и распространяя запах винного перегара, немолодой мужчина. Увидев его, Нина не испугалась, только чуть-чуть вздрогнула, встретившись с ним взглядом, и сразу же отошла, разумеется, не сказав ни слова. «Какое мне дело, пусть себе сидит где хочет», – подумала она и вернулась в квартиру, где, задрав хвост и недоумевая, куда исчезла хозяйка, мыкался Вася.

Дома было тепло и приятно пахло елкой, мандаринами и ароматическими свечами. Свет за окнами был совершенно синим, и Нина не стала включать торшер, а зажгла елочную гирлянду, переоделась и отправилась в кухню, чтобы что-нибудь приготовить Васе и себе.

Когда лангет поджарился, Нина положила его на тарелку, добавила немного брусники, которую любила в качестве гарнира, и несколько кусочков авокадо; на другую выложила семгу и креветки с майонезом и, поставив все это на поднос вместе с бокалом вина, понесла в комнату.

Васю она всегда кормила первым и на этот раз, решив, что он тоже имеет право на свою долю праздника, угостила его семгой. Когда Вася был сыт, можно было подумать и о себе: Нина, уютно устроившись в кресле и налив себе полный бокал вина, нацепила на вилку маленький кусочек авокадо. И в ту же минуту вспомнила о бомже. «Он, наверное, голодный», – подумала она и положила авокадо на тарелку, так и не попробовав. Настроение было испорчено. «Какого черта его сюда принесло!» – подумала она и включила телевизор, чтобы отвлечься.

Показывали Нью-Йорк, огромную елку, улыбающегося Санта-Клауса в красном колпачке, с кудрявой белой бородой и розовыми щеками и куда-то спешащих веселых людей. «Надо дать ему поесть, – подумала Нина. – Ведь сегодня Рождество».

Она снова отправилась в кухню и, открыв холодильник, задумалась. «Что же мне ему дать? Я поджарила последний кусок мяса, и, кроме семги и креветок, у меня ничего нет. Кормить бомжа семгой? Не слишком ли? С другой стороны, угощаю же я семгой своего кота, и ничего. А бомж – все-таки человек…» И Нина сделала несколько бутербродов с семгой, намазав каждый кусок хлеба толстым слоем сливочного масла.

Он сидел под лестницей на месте сломанной кладовки, и она едва различала в темноте его лицо. Видны были его руки в шерстяных перчатках с отрезанными пальцами и краешек короткой темной бороды с проседью. Она протянула ему сверток и сказала: «Вот, это вам. Поешьте!» Бомж не пошевелился. Нина повторила: «Возьмите, это бутерброды. Обычные бутерброды». И, когда он протянул руку, чтобы взять сверток, Нина инстинктивно отдернула свою, чтобы не прикоснуться к нему.

* * *

Она вспомнила о нем на следующий день, когда, вернувшись из театра, остановилась у почтовых ящиков. «Надо надеяться, он ушел?» – подумала она и, поднявшись на площадку, заглянула под лестницу. Увидев бомжа на прежнем месте, сказала себе: «Так мне и надо!» – и в тот вечер ей снова пришлось вынести ему поесть.

Прошло еще несколько дней, и, когда оказалось, что он никуда не собирается уходить с насиженного места, Нина с раздражением подумала, что теперь ей придется его кормить. «Что значит “придется”? – спорила она сама с собой. – Разве я обязана?» – «Теперь обязана», – отвечал ей внутренний голос. «Это еще почему?» – «Потому что всякая инициатива наказуема: не надо было начинать».

«В самом деле, – думала Нина, – он ведь, наверное, уже привык? Да и со мной, в сущности, ничего не случится, если я раз в день дам ему поесть. Вот только чем я буду его кормить?»

Готовить для себя она не любила, да и ела она мало: обедала, как правило, в институтской столовой, а на выходные варила себе в маленькой кастрюльке какой-нибудь легкий супчик и вполне обходилась небольшим кусочком рыбы или курицы с салатом из свежих овощей на второе. «Не могу же я кормить его помидорами по двести рублей и куриным филе», – думала она, раздражаясь.

Кроме того, было совершенно ясно, что накормить его крошечными порциями, которые она готовила для себя, все равно невозможно, и Нина решила, что будет варить для него суп, настоящий «мужской» суп, с мясом, крупой и картофелем. Она достала из кухонного стола двухлитровую кастрюлю, которой никогда не пользовалась, купила в магазине большую суповую кость, перловку, специи, каких-то овощей и в тот же день сварила густой, сытный суп. Суп получился

таким вкусным, что даже Вася, когда запах достиг его розового носа, явился в кухню и, задрав хвост, принялся вертеться у нее под ногами.

* * *

Возмущению Марго, когда она узнала о бомже, не было предела.

– Ты с ума сошла! – кричала она. – Ты внушала мне, что собираешься всю жизнь обходиться без мужчин, что они тебя чем-то там не устраивают. А сама завела себе какого-то грязного бомжа.

– Что значит – «завела»? Он сам завелся, как таракан, – пыталась отшутиться Нина. – И потом, что же мне, оставить его умирать с голоду?

– Да какое тебе дело: умрет этот паразит или нет? И нечего на меня так смотреть! Ты крутишься как белка, чтобы его накормить, а он устроился себе и пользует тебя как хочет.

Нина не спорила: она знала, что спорить с Марго бесполезно, и продолжала делать свое дело. Впрочем, иногда, особенно если сильно уставала, она злилась и говорила себе: «Что же мне теперь – всю жизнь его кормить? Лучше бы я завела собаку».

Один раз, когда кончилась крупа, а идти в магазин особенно не хотелось, она в сердцах бросила: «О Господи, хоть бы кто-нибудь выгнал его отсюда!» Правда, потом в таких случаях ей всегда становилось стыдно, и она к обычной порции супа добавляла что-нибудь сладкое: например, полплитки шоколада или кусок своего фирменного яблочного пирога.

3

Наступил март, но вместо давно ожидаемого тепла снова ударили морозы. «Ничего, это уже, надо надеяться, последние», – говорила себе Нина и надевала шубу и шерстяную шаль.

По случаю Восьмого марта Марго устроила вечеринку для коллег по кафедре, и Нина вернулась домой в одиннадцатом часу еле живая от усталости. Первым делом надо было покормить Васю, который собирался на ночную прогулку, а потом отнести миску супа бомжу.

В подъезде было холодно, и Нина подумала, что этой ночью под лестницей ему придется несладко.

– Добрый вечер, – сказала она, протягивая ему миску, – Вот ваш суп.

– Спасибо, – ответил бомж и громко чихнул.

– Вы нездоровы? – спросила Нина.

– Пройдет, – сказал бомж. Голос у него был совершенно больной.

– Вы больны, – повторила она утвердительно. – Сейчас я принесу вам лекарство.

Она вернулась в квартиру, достала из аптечки пакетик с каким-то французским порошком, который держала дома на всякий случай, потому что – тьфу, тьфу! – сама никогда не болела, растворила его в чашке кипятка и вынесла на лестницу.

– Вот, выпейте. Если у вас температура, это поможет.

– Спасибо, – ответил бомж, взял чашку, и Нина почувствовала, что от его рук так и пышет жаром.

Она уже лежала в постели, намазав кремом лицо и блаженно вытянув ноги, когда услышала на площадке истерический собачий лай и громкие голоса. Она прислушалась и довольно быстро различила голос одного из жильцов. Это был малосимпатичный и ужасно склочный пенсионер, который вечно чего-то требовал на собраниях кооператива, вечно ввязывался в скандальные истории и, гуляя около дома со своим пуделем, всегда покрикивал на других собак и их хозяев.

«У вас сука? Кобель? – кричал он издали. – Уберите его! Уберите немедленно!» И размахивал палкой. А так как Нина у себя в комнате почти всегда держала окно

приоткрытым, он без конца будил ее, потому что у него к тому же была странная привычка постоянно разговаривать со своей собакой. «Джули, Джули, Джули, Джули! – Доносилось до нее из-под балкона в семь утра. – Иди сюда, девочка моя, иди, иди, иди, моя хорошая! С собачкой хочешь поиграть? Ну, поиграй, поиграй! У вас девочка? Мальчик?..

Джули, Джули, Джули, Джули! Фу! Пойдем, Джуленька, пойдем, маленькая, это нам нельзя».

«О Господи, – думала Нина, окончательно просыпаясь. – Ему что, тоже нельзя?» Она терпеть не могла, когда молодые мамаши говорили, например, «Мы пописали», «Мы срыгнули», «Мы поспали», как будто речь шла о каких-то коллективных действиях, а тут еще – «Нам нельзя»?

Нина босиком подбежала к двери, посмотрела в глазок, но различила только спины стоящих на площадке людей.

– Убирайтесь отсюда немедленно! – услышала она слегка дребезжащий голос пуделиного хозяина. – Слышите? Иначе я вызову милицию. Вы не имеете права здесь находиться.

Его поддерживали другие голоса, в основном женские, и Нина ясно различила фразу: «Развели здесь бомжатник. Безобразие!» – «Еще небось заразы всякой понатащил, – вторила ей другая, – надо будет продезинфицировать подъезд».

Было совершенно ясно, что в покое его не оставят. В другой момент Нина, может быть, и не стала бы в это вмешиваться, но сейчас, когда он болен и на улице пятнадцатиградусный мороз и пронизывающий ветер, а идти ему совершенно некуда, потому что двери соседних домов наглухо закрыты кодовыми замками…

И Нина бросилась одеваться. «Что он им сделал? Чем помешал? – возмущалась она, впопыхах натягивая на себя одежду, – Сидел себе тихо, никого не трогал, не шумел, не безобразничал, даже, кажется, не пил. Что же они к нему привязались?»

Когда она вышла из квартиры, ни на площадке, ни под лестницей его уже не было. Она сорвала с вешалки шубу и бросилась на улицу.

Он успел отойти на сотню метров: было видно, что он идет с трудом, покачиваясь то ли от порывов ветра, то ли от слабости.

– Подождите! – крикнула Нина и бросилась вдогонку.

Ледяной ветер швырял ей в лицо колючую снежную пыль.

Бомж остановился. Пальто его было распахнуто, ветер трепал шерстяной вязаный шарф, и Нина отчетливо слышала, как хлопает от ветра уголок его пластиковой сумки.

– Пойдемте ко мне, я устрою вас у себя. Вы не можете оставаться на таком морозе: у вас температура.

Он дико посмотрел на нее, ничего не ответил и снова повернулся, чтобы идти дальше.

– Послушайте, подождите! – говорила она, стараясь перекричать вой ветра. – Вы не узнаете меня? Я сегодня дала вам лекарство. Я живу на первом этаже, в квартире слева. Пойдемте ко мне, вы хотя бы переночуете, а завтра мы что-нибудь придумаем.

– Зачем это вам?

«А он, оказывается, совсем не такой “паразит”,– мелькнуло у нее в голове. – Мне казалось, что он беззастенчиво “пользует” меня, как говорит Марго, а он, оказывается, гордый и неприступный. Еще уговаривать его приходится».

– Я потом объясню зачем, хорошо? А сейчас – пойдемте, если вы не хотите, чтобы я простудилась на этом ветру.

Она пожалела об этом сразу, как только увидела его на фоне светлых обоев своей прихожей. Он стоял, держа в одной руке свой рюкзак, который успел стащить со спины, в другой – чем-то доверху набитый пластиковый пакет, и беспомощно озирался.

«Черт возьми, возись с ним теперь, и… куда я его дену? В кухню, в комнату?» – думала Нина, которая ужасно боялась нарушить уют и чистоту своего жилища. Но было поздно. Нина вытащила газету и расстелила ее на полу, чтобы он мог поставить свои вещи.

– Раздевайтесь, – сказала она не очень уверенно. Бомж снял пальто, но не повесил его на крючок, а аккуратно свернул и положил на рюкзак.

– Зачем? Есть же вешалка, – сказала Нина с раздражением, которое ей не удалось скрыть, но он не ответил и только сделал едва заметный жест, означающий, что это все равно. Нина не настаивала.

Через полчаса, приняв горячий душ, он спал в кухне на узкой гостевой кушетке, укрытый шелковым ватным одеялом в белоснежном пододеяльнике, а Нина, засунув его вещи в стиральную машину, тщательно вымыв ванну и закрыв на задвижку дверь своей комнаты, сидела в кресле, завернувшись в плед, и старалась понять, как могло случиться, что она влипла в такую ужасную историю. «Неужели я так сентиментальна? – спрашивала она себя. – Или я просто дура? И что мне теперь делать – сидеть так всю ночь и не спать?» Потому что спать, пока у нее на кухне «торчал этот тип», она не могла.

Зачем же она притащила в дом этого несчастного бомжа? Ведь она все равно ничем не может ему помочь. Ну, пробудет он у нее до завтра, и что потом? Потом ему все равно придется уходить и искать какой-нибудь подъезд или чердак, откуда его тоже рано или поздно выгонят, потому что в этом мире никому ни до кого нет дела.

* * *

Зазвонил телефон. В первом часу ночи Марго приспичило спросить, удалась ли ее вечеринка. О бомже Нина, разумеется, ничего не сказала, но проницательная Марго, сразу же почувствовав неладное, спросила:

– Ты не одна?

– Почему? Одна.

– Кого ты хочешь обмануть? Я же слышу: когда ты одна, у тебя совсем другой голос.

– Ну, хорошо, – вздохнула Нина, – потом поговорим.

Когда они встретились на следующий день на кафедре, Марго спросила ее:

– И кто же у тебя был вчера в такую поздноту? Если это, конечно, не секрет?

Нине ужасно не хотелось рассказывать, но деваться было некуда, и она, опуская подробности, сообщила, что произошло. Марго ахнула:

– Ты это серьезно?

– Вполне.

Марго смотрела на нее как на душевнобольную:

– Нет, я не понимаю! Ты шутишь? Или ты просто-напросто сошла с ума? Ты действительно привела его в дом? Этого грязного бомжа, который жил у вас под лестницей?!

– Марго, перестань, прошу тебя…

– То есть как это – перестань? Хочешь, чтобы тебя ограбили? Или, еще того хуже, чтобы он принес в дом какую-нибудь заразу?

Нина хотела ответить, что этот бомж «вовсе не такой», но передумала: «В конце концов, откуда мне знать, какой он?»

– И ты оставила его одного в квартире? – не унималась Маргарита.

– Перестань, Марго, прошу тебя… Я же говорю – он болен. Он бы умер, если бы я оставила его на улице. – Нина оправдывалась, но чем больше она говорила, тем меньше верила собственным словам.

– Да и черт бы с ним! – взрывалась Марго. – Может, он даже хочет умереть, откуда ты знаешь? Может, у него такая цель в жизни? Тебе-то что до этого? Или ты решила стать крупным благотворителем? Тогда устрой у себя в доме ночлежку и пригласи всех бомжей, которые ходят по Москве, – вон их сколько! Сегодня же выгони его, или я приду и сделаю это сама.

«Марго права, – говорила себе Нина, возвращаясь с работы. – Если температуры у него нет, ему придется уйти, ничего не поделаешь. Не могу же я, в самом деле, нянчиться с ним до бесконечности».

Когда она пришла домой, оказалось, что температура была и очень высокая: не могло быть и речи о том, чтобы выбросить его на улицу. Нина приготовила питье, лекарство и, присев на табуретку, чтобы перевести дух, взглянула на него.

Пока он жил под лестницей, в темноте, у нее не было возможности рассмотреть его, впрочем, она и не пыталась: его лицо нисколько ее не интересовало. Сейчас, при свете, ничто не мешало ей присмотреться к нему, тем более что он спал, и Нина с удивлением обнаружила, что у него «когда-то» было интеллигентное лицо: нос с небольшой горбинкой, чистая линия лба, темные и даже довольно длинные ресницы, и только нижняя часть лица была скрыта длинной жесткой щетиной с проседью. «Интересно, чем он занимался, пока не стал тем, чем стал?» – подумала она и равнодушно отвернулась.

* * *

В тот день Нина была так озабочена всем происшедшим, что только к вечеру заметила, что Вася до сих пор не вернулся. «Он, наверное, что-то чувствует и боится, – подумала Нина, с неприязнью покосившись на бомжа. – Что же делать?»

Вася был настоящий боец. Нина иногда брала его с собой в лес, расположенный неподалеку от дома. Она шла по дорожке, а Вася шел сзади в нескольких метрах от нее, совсем как собака. Он шел за ней неуклонно, не обращая внимания на прохожих, которые останавливались возле него, чтобы полюбоваться его красотой, шел с достоинством, медленно переставляя пухлые белые лапы с темными «заплатками». И даже если навстречу ему попадались собаки, а собак или, вернее, хозяев с собаками в лесу всегда было много, он никогда не убегал.

Вася останавливался, выгибал спину, при этом шерсть у него на хребте вставала дыбом, и шипел. И весь его вид выражал крайнее отвращение к собачьему запаху и бесцеремонным собачьим манерам и полную готовность защищаться до последнего. Но людей он боялся. Вернее, боялся мужчин, и Нина это знала. И это знание не противоречило ее собственному представлению о сильной половине человечества. Когда в квартире появлялся мужчина, Вася прятался, заслышав в передней его голос, и никакая сила не могла заставить его слезть со стеллажа или показаться из-под дивана, где он чувствовал себя в безопасности. И Нина всегда старалась поскорее отделаться от непрошеного гостя, чтобы не заставлять кота нервничать понапрасну.

Не успела она подумать, что хорошо было бы пойти и поискать его, как Вася собственной персоной появился на балконе. Нина впустила его и с некоторым волнением стала наблюдать за тем, как он себя поведет, учуяв бомжа. Вася, как всегда спокойно, направился в кухню, остановился на пороге, понюхал воздух и подошел к своей миске. «Странно, – подумала Нина, – очевидно, неподвижно лежащий враг ему не страшен?» Однако то, что произошло потом, было еще более удивительно: поев, Вася вспрыгнул на лежащего бомжа и стал устраиваться у него на животе. Нина, онемев от изумления и отчасти от ревности, потому что он никогда таким образом не забирался к ней, наблюдала за тем, как он, устроившись поудобнее и глубоко вздохнув, преспокойно заснул.

К вечеру температура стала подниматься, и, когда ртутный столбик достиг сорока одного градуса, Нина растерялась. Можно было бы, конечно, вызвать «скорую», но тогда ей бы пришлось объяснять, кто он такой и как попал к ней в дом, а ей этого ужасно не хотелось. Кроме того, они вполне могли отказаться забрать его в больницу, потому что ни имени его, ни адреса (если у него и был какой-то адрес) она не знала. Еще больше ее пугала мысль о том, что он разболеется надолго и ей придется терпеть его присутствие не день и не два, как она рассчитывала, а гораздо больше.

Впрочем, пока было совершенно ясно, что его надо лечить. Ей удалось заставить его проглотить еще один порошок и выпить горячее питье, приготовленное из лимона и малинового варенья, баночку которого она всегда варила на зиму. На лоб, чтобы как-то успокоить головную боль, она положила полотенце, смоченное холодной водой. Спать в эту ночь ей почти не пришлось. Он так стонал и метался, что ей приходилось постоянно вскакивать и бежать к нему: ей казалось, что он умирает. Она подогревала питье, приподнимала ему голову и подносила чашку к губам. Больной делал несколько глотков и снова

откидывался на подушку, по-прежнему оставаясь в забытьи.

Утром она позвонила в поликлинику и вызвала врача. «Будь что будет», – сказала она себе и, сидя у изголовья больного, которому за ночь, увы, лучше не стало, принялась ждать.

Участковый терапевт Лукьянова, с которой Нина была едва знакома, появилась к трем часам, и оказалось, что с ней вполне можно договориться: за умеренную плату она согласилась осмотреть левого больного.

– Сколько лет? – спросила она, кивнув на бомжа.

– Не знаю, – сказала Нина и покраснела, заметив на себе изумленный взгляд докторши.

– Как это – не знаете? Ну и ну!

Нина стояла рядом, раздумывая, стоит ли ей рассказывать свою историю, и наблюдала за докторшей, с озабоченным видом прикладывавшей фонендоскоп к его груди.

– Плохо дело: у него воспаление легких, – сказала она. – Когда он заболел?

Нина объяснила, как могла, что произошло. Докторша покачала головой.

– Ну вы на себя и натащили… Его же ни одна больница не возьмет! Если бы еще с улицы, может, и взяли бы, а от вас?.. Не знаю, не знаю…

– Что ж, значит, такая судьба, – сказала Нина и мрачно улыбнулась.

Выписав рецепты, докторша ушла и по дороге к очередному больному размышляла о том, на какие немыслимые поступки способна одинокая женщина. «Теперь уже и бомжей стали подбирать»,—думала она, осторожно обходя скользкие участки тротуара и качая головой.

* * *

Так бомж поселился у Нины Савельевой. Болел он тяжело: температуру, если и удавалось немного сбить, то ненадолго, и Нина, когда была дома, почти не отходила от него. Она уставала, нервничала, сердилась – то на себя, то на него, – ругалась с Марго, которая, правда, свою угрозу приехать и выгнать «паразита» не выполняла, но Нину пилила постоянно, не скупясь на всевозможные бранные эпитеты в его адрес.

– Как ты можешь так говорить о нем? – возмущалась Нина.

– Как это я говорю? – удивлялась Марго.

– Как… как о собаке.

– Да он хуже собаки! – взрывалась та. – Ты только представь, какую жизнь он вел, пока не дошел до этого состояния. Ни одна собака не способна вытворять то, что может вытворять человек. Ты задумайся об этом.

Нина отворачивалась и с досадой махала рукой:

– Откуда ты знаешь, что с ним было? Мало ли что он мог пережить?

– Ах, брось, пожалуйста! Тоже мне, как говорится, бином Ньютона: он все пропил, твой красавец, вот и все.

– Ты не можешь этого знать, – упрямо твердила Нина, хотя в глубине души была согласна с Марго. Ведь был же у него когда-то дом, работа, была, возможно, и жена, и даже дети, и где все это теперь? Ведь хорошо известно, что чаще всего именно мужчина бывает виноват в том, что не сложилась семейная жизнь, разве не так?

* * *

Наконец наступил кризис, и на следующий день больной пришел в себя. Правда, к вечеру у него по-прежнему немного поднималась температура, но было ясно, что дело идет на поправку. Нина кормила его крепким мясным бульоном, который готовила специально для него, а он принимал ее ухаживания молча,

настороженно приглядываясь к ней.

– Ну вот, слава Богу, скоро вы будете здоровы, – сказала Нина, заметив на себе его вполне осмысленный взгляд, и впервые за эти дни почувствовала настоящее облегчение.

– Я здесь давно? – спросил он.

– Неделю.

– Не может быть! Вы столько времени со мной возитесь… – Он сделал попытку встать.

– Лежите, – сказала Нина, – вам нельзя вставать. У вас была такая температура, что вам надо еще по меньшей мере неделю пролежать в постели. И не возражайте: здесь распоряжаюсь я. Ведь вы, я надеюсь, никуда не торопитесь?

«Ну вот, – подумала Нина, – я и подписала себе приговор. Еще неделю лежать, а потом еще неизвестно сколько сидеть. На моей кухне. Какая же я идиотка! Зачем я навязала его себе на голову? Зачем мне этот дурацкий бомж? Зачем я его уговариваю? И неужели он не уйдет сам и не оставит меня в покое (она чуть не прибавила, «если он порядочный человек»). Неужели я всю жизнь так и буду за ним ухаживать? Неужели я выгнала Вадима и Олега Семеновича только для того, чтобы связаться с этим… деклассированным типом? Марго права, тысячу раз права: я просто-напросто стала старой сентиментальной дурой».

В другие моменты ее начинали обуревать какие- то непонятные страхи: «Что если в один прекрасный день он ограбит меня, а потом будет рассказывать своим знакомым бомжам про идиотку, которая сама же и пустила его в свой дом? И почему я, усталая, прихожу с работы и вместо того, чтобы спокойно отдохнуть, варю какой-то идиотский бульон?»

Или она начинала опасаться, как бы к ней в ее отсутствие не зашла соседка со второго этажа, пожилая дама, с которой она поддерживала приятельские отношения, и не увидела бомжа, тем более что эта соседка тоже подкармливала его в бытность его под лестницей и знала в лицо. «Бог знает, что про меня начнут после этого болтать в доме», – с ужасом думала Нина и, уходя, строжайше просила его никому не открывать.

Глядя на себя в зеркало, Нина с унынием замечала, что подурнела, что с лица у нее не сходит какое- то озабоченное, даже брюзгливое выражение, что ей больше не хочется ни одеваться, ни причесываться, ни даже ходить в театр. А хочется только одного: чтобы он наконец ушел.

Иногда она говорила себе, что во всем виновата сама, что он ни о чем не просил, что она сама позвала его в дом в тот момент, когда он фактически уже ушел, что она даже уговаривала его и, самое интересное, делала это совершенно искренне.

«Просто я устала, – подытоживала она, – я устала от того, что моя жизнь перестала мне принадлежать. Я привыкла жить для себя и сейчас лишний раз убеждаюсь, что была тысячу раз права, когда не вышла замуж ни за одного из своих поклонников: я не создана для того, чтобы жить для другого человека. Я – эгоист».

Иногда она неожиданно ловила себя на том, что ей нравится его лицо, и она, украдкой поглядывая на него, говорила себе: «Если его побрить…» Или, наоборот: «Ему идет борода». Или: «У него хорошее лицо и красивые руки: наверное, когда-то он был интеллигентным человеком. Интересно, кем он был раньше?..»

Спросить его об этом она не могла. В самом деле, как спросишь у человека, кем он был, если он еще жив и вполне не стар? И она не задавала ему вопросов. Более того, она даже не спрашивала, как его зовут, потому что не хотела этого знать: он был для нее никто и должен был остаться никем, человеком без имени, бомжом, и должен был исчезнуть из ее жизни так же, как появился, не оставляя о себе воспоминаний.

Было у нее и еще одно соображение: «Если я спрошу, как его зовут, он еще, не дай бог, что-нибудь подумает, а так – мы не знакомы, и то, что он живет у меня, – еще, как говорится, не повод для знакомства», – думала Нина. Словом, ей казалось, что незнание его имени служит ей защитой. От чего – она и сама не знала.

Он тоже ни о чем ее не спрашивал и почти все время молчал, и только с котом у него установились самые нежные отношения.

– А ведь мы знакомы с этим джентльменом, – сказал он, увидев кота в тот день, когда пришел в себя.

– Знакомы? – удивилась Нина.

– Я имел удовольствие встречаться с ним еще осенью, в подвале, пока его не закрыли.

– Это невероятно, – пробормотала Нина, которая сама не знала, что ее больше потрясло: его обороты речи или факт знакомства с ее недоверчивым котом. – Он никогда раньше не подходил к мужчинам – боялся.

– Вот в чем дело, – проговорил бомж, погладив кота. – Значит, ему, наверное, досталось в жизни…

* * *

В один прекрасный день он наконец ушел. Она сделала уборку, проверила, на месте ли деньги и побрякушки, и устроила себе ванну с пеной и ароматическими добавками. Потом, сидя в белоснежном махровом халате перед телевизором с чашкой чая в руках, с удовольствием подумала, что завтра идет вместе с Марго в гости, потому что давно уже нигде не была, и что наденет наконец свое новое черное платье, купленное еще осенью и ни разу не надеванное. И что когда она вернется домой, ее будет ждать чистая, уютная и, слава Богу, пустая квартира.

И только ночью, вернувшись из гостей и лежа в постели, в темноте, прислушиваясь к тишине в квартире и завываниям весеннего ветра за окном, она вдруг почувствовала, что ей почему-то стало грустно.

Наступил апрель. Она не вспоминала, не думала о нем. Правда, первое время, входя в подъезд, по привычке прислушивалась, иногда даже заглядывала под лестницу, каждый раз с облегчением убеждаясь, что его нет, а с наступлением теплых дней и вовсе забыла о его существовании. И только Вася, как ни странно, иногда напоминал ей о нем. «Ему, наверное, досталось в жизни», – вспоминала она его фразу, когда Вася, едва заслышав в коридоре мужской голос, прятался под диван.

4

С началом сентября зарядил дождь, и от лета остались одни воспоминания. В лужах плавали опавшие листья, а лица прохожих казались такими же унылыми, как низкое осеннее небо. Выйдя из метро, Нина раскрыла зонт и, держа его перед собой как щит, заслонялась не столько от дождя, сколько от внезапных порывов ветра, ударявших в лицо. Подойдя к дому, она сложила зонт и только тогда увидела его: он стоял у самых дверей, под козырьком, прячась от дождя. Несколько секунд она смотрела на него молча, узнавая и не узнавая и пытаясь понять, какие чувства вызывает у нее эта встреча. Что-то изменилось в нем, что-то делало его другим, но она не могла понять – что. То ли загар, то ли коротко подстриженная борода, то ли летняя одежда.

– Это вы? – спросила она.

– Здравствуйте, Ульяна, – ответил он с улыбкой и протянул ей букет сине-лиловых астр. – Это вам.

– Спасибо, – сказала она и поднесла букет к лицу. И только сейчас поняла, что другим его делает не загар, не одежда и не кажущийся более ярким цвет глаз, а улыбка, добрая и слегка насмешливая.

– По-моему, осенние цветы не пахнут, – заметил он.

– Ничего. Зато это мой любимый цвет.

– Правда? Рад, что угодил. А это, – он порылся в висевшей через плечо парусиновой сумке и вытащил чем-то туго набитый матерчатый мешочек, – это для запаха.

– Что это? – спросила Нина и тут же учуяла терпкий запах сушеных грибов. – Откуда такая красота?

– Я знал, что вам понравится. Я их собрал в нашем лесу специально для вас.

Нина предложила ему зайти и, когда они оказались у нее, заметила, что он окинул квартиру любопытным взглядом. Она подумала, что сейчас он пустится в

воспоминания, но, к ее величайшему облегчению, он только спросил:

– Где же Вася?

В ту же минуту Вася показался из-под дивана.

* * *

– Почему вы назвали меня Ульяной? – спросила Нина, когда четверть часа спустя они сидели в кухне за столом.

– А, – улыбнулся он, – помните, у Ключевского в «Исторических портретах» была такая помещица Ульяна Осорьина, которая жила в начале семнадцатого века и в голодное время спасала крестьян?

Нина засмеялась:

– Не помню.

– Перечитайте: это про вас. У вас ведь, кажется, есть Ключевский?

– Есть, – ответила Нина и подумала: «Вот тебе и бомж… Впрочем, мне и раньше казалось, что с ним не все так просто». – Скажите, а вы…

– Я думаю, мне все-таки следует представиться? Юрганов. Лев Юрганов. Ваш покорный слуга.

Потом они пили французское вино, которое Нина держала для какого-нибудь торжественного случая, и говорили, пока за окнами не наступила ночь.

– Ну вот, мне пора, – сказал гость и встал.

– Спасибо за грибы, – сказала Нина и вышла в коридор проводить его. Он спросил, может ли она дать ему почитать старый номер «Нового мира», который валялся на столике. «Конечно, – сказала она, – пожалуйста». – «И я могу через неделю вам его занести?» – спросил он. «Через неделю? То есть в четверг?» –

«Да, в четверг или в пятницу. Вы будете дома?» – «Конечно, – сказала Нина и вспомнила, что в четверг собиралась с Марго на симфонический концерт, – буду и в четверг, и в пятницу».

В четверг он не пришел, и Нина поняла, что напрасно отказалась пойти с Марго в консерваторию. «Может, он и завтра не придет, – подумала она, – не из-за журнала же ему приходить?»

Но он пришел. Они опять сидели в кухне: Нина угощала его телятиной под соусом, приготовленным из его грибов, и только сейчас рискнула спросить:

– Ваши обстоятельства как-то изменились?

– Да, во всяком случае, на ближайшую зиму. Мой товарищ по прежней работе предлагает мне караулить его дачу в Озерках. Если позволите, я ему от вас позвоню.

Нина позволила, но товарища не оказалось на месте.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Да нет… Мы договаривались сегодня вечером заехать к нему на дачу, а его до сих пор нет дома.

Нина сказала, что еще не так поздно и товарищ может появиться в любую минуту, и они вместе стали ждать.

Было уже начало двенадцатого, когда Юрганов набрал номер в последний раз: телефон товарища по-прежнему не отвечал.

– Вам, наверное, негде переночевать? – спросила она.

Оказалось, что переночевать он может в деревне, где провел лето, но деревня, как выяснилось, находится далеко, и добраться до нее ночью в любом случае невозможно.

– Куда же вы делись прошлый раз, когда ушли от меня? – спросила Нина.

– Переночевал на бульваре. Ничего страшного – сейчас тепло.

– Почему же вы ничего не сказали? Вы могли бы остаться у меня.

– Не хотел вас затруднять.

– Ну почему же не хотели, если я – Ульяна?

И он остался. Нина постелила ему на кухонной кушетке, и Вася по старой привычке устроился у него на животе.

Хозяин дачи нашелся только под вечер следующего дня.

– Слушай, старик, у меня немного изменились планы, – сказал он Юрганову, – Если бы ты мог неделю или дней десять подождать, а? А то, видишь ли, жена хочет еще побыть на даче. Перезвони мне числа двадцать пятого, хорошо?

И Юрганов остался у Нины. Утром она уходила на работу, а он убирал свою постель, чистил овощи, из которых Нина варила обед, кормил кота, поливал цветы, иногда ходил в магазин. В квартире поселились его вещи: в ванной – зубная щетка, в стенном шкафу – летняя куртка, в прихожей – сшитые белыми суровыми нитками войлочные шлепанцы. Вечера они проводили за разговорами, телевизор почти не включали и часто выходили постоять на балкон, посмотреть на дождь.

Ночью Нина, лежа в постели, вспоминала его рассказы, пытаясь представить себе его прошлую жизнь, перебирала в памяти его слова, взгляды, жесты, удивлялась тому, как много у них общего: им нравились одни и те же стихи, одна и та же музыка, одни и те же книги. Вспоминала, как трогательно он ведет себя с котом и как кот, недоверчивый и осторожный, платит ему той же монетой. «Чем все это кончится?» – спрашивала себя Нина и не находила ответа.

Что-то мешало ей разобраться в своих чувствах. Возможно, если бы он повел себя, что называется, как мужчина, она бы ответила ему. Если бы он дал понять, что она ему нравится, что он видит в ней женщину, она бы не осталась к этому равнодушной. Но он этого не делал. Правда, время от времени она ловила на себе его взгляд, и этот взгляд смущал ее, и она отворачивалась, чтобы он не

заметил ее смущения. Однако дальше взглядов дело не шло.

Конечно, она могла бы подтолкнуть его, помочь справиться с неуверенностью в себе или чем-то еще, что мешало ему повести себя более решительно, но это казалось ей невозможным. Почему? Она не знала. Когда ей казалось, что он ведет себя как впервые влюбленный пятнадцатилетний мальчишка, ей становилось смешно, а он сам представлялся ей жалким и недостойным внимания. Но иногда она видела в его поведении не раздражавшую ее мальчишескую робость, а мужскую сдержанность, и тогда в ней самой просыпался то ли бес противоречия, то ли упрямство, то ли женское кокетство. К тому же воспоминание о том, что еще недавно он жил у них под лестницей, не облегчало ее задачи.

«Скоро он поедет сторожить свою дачу. И все кончится само собой», – говорила себе Нина, пытаясь делать вид, что верит собственным словам. И спокойно засыпала, не подозревая, что история эта закончится намного быстрее и совсем не так, как она рассчитывает.

5

От Марго она все тщательно скрывала. В гости ее не звала и, говоря с ней по телефону, внимательно следила за собственными интонациями: обмануть Маргариту Витальевну было трудно. Впрочем, в эти дни к Марго наконец вернулся ее бывший муж, Евгений Михайлович, и она, поглощенная собственными переживаниями, меньше обычного интересовалась жизнью подруги.

Была у нее и еще одна забота: она боялась, как бы кто-нибудь из соседей не увидел и не узнал в Юрганове бомжа. И больше всего опасалась своей пожилой приятельницы со второго этажа, которая имела привычку часто обращаться к ней со всевозможными просьбами.

В один прекрасный день случилось то, что неизбежно должно было случиться.

Вернувшись домой, Нина застала у себя соседку, мирно попивающую с Юрганом чай.

– Ниночка, вы извините, что я без разрешения распорядилась вашим приятелем, но вас не было, а мне так нужна была помощь…

– Я надеюсь, Зинаида Ивановна, вы ее получили? – спросила Нина, шутливо кивнув в сторону Юрганова.

– Что вы, что вы! – воскликнула старая дама. – Лев Александрович мне очень помог. Я уговаривала его остаться у меня пить чай, но он отказался, и мне пришлось спуститься к вам, чтобы угостить вас обоих своим вареньем. Попробуйте! Замечательное варенье из райских яблочек. Не правда ли, Лев Александрович?

«Слава Богу, она, кажется, не узнала его», – подумала Нина и, когда соседка ушла, спросила:

– Чем вызван такой восторг? Что вы сделали?

– Ничего особенного: помог передвинуть шкаф и перенести горшок с цветком.

Чуть позже, ближе к вечеру, Нину ждал еще один сюрприз. Услышав несколько настойчивых звонков в дверь, она сразу поняла, что это Марго, но деваться было некуда, и Нина пошла открывать.

Они приехали вместе: Марго и ее бывший муж, которого Нина не видела больше года. Оба улыбались и напоминали пару голубков.

– Нинон, мы за тобой, – сказала Марго тоном, не допускающим возражений. – Одевайся!

– Рада вас видеть такими… лучезарными, – ответила Нина, – но поехать с вами, к сожалению, не могу. Я не одна.

– Не одна? Ну так поехали вместе! – И Марго, прорвавшись вглубь коридора, бесцеремонно заглянула в комнату, – Я надеюсь, вас не так много?

Нина видела, с каким любопытством Марго разглядывает Юрганова, и с ужасом представила себе, что будет, если она узнает правду.

– Нет, Марго, ничего не получится. Покатайтесь без нас.

Марго, чье любопытство было удовлетворено, не стала настаивать и кивнула своему спутнику, что пора идти, а Нина, закрывая за ними дверь, почувствовала, что у нее дрожат руки. И тут оказалось, что ее ждет еще один сюрприз.

– Нина, – сказал Юрганов, – послезавтра я уезжаю в Озерки.

– Вот и прекрасно, – ответила Нина, чуть вздрогнув, и включила телевизор.

Потом он мыл посуду, а она убирала в холодильник продукты, каждый раз с размаху хлопая дверцей. Потом она надолго заперлась в ванной, а он молча стелил себе постель. Потом она ушла к себе и легла, и они одновременно потушили свет, так и не сказав друг другу ни слова.

«Нашел себе гостиницу», – злилась Нина, ворочаясь в постели. Ей ужасно мешали бигуди, на которые она непонятно зачем накрутила свои густые и без того слегка вьющиеся волосы. Заснуть она не могла: то ей казалось, что в комнате душно, и она вставала, чтобы побольше приоткрыть окно, то становилось слишком холодно и мешал дождь, громко стучавший в стекло, то почему-то ужасно хотелось заплакать, но никак не получалось.

* * *

Следующий день не задался с самого утра. Во- первых, она проспала и утром даже не успела подкрасить лицо, и ей пришлось пудриться и красить губы в трамвае, который дребезжал и подпрыгивал на поворотах. Во-вторых, оказалось, что внезапно заболела одна из ее коллег, и заведующая кафедрой попросила ее провести два лишних занятия, и Нина, невыспавшаяся и неподготовленная, отправилась в совершенно незнакомую ей группу студентов. В-третьих, Марго, пребывающая в эйфории по случаю возвращения блудного мужа, все-таки поймала ее во время перерыва и, не желая замечать ее дурного настроения, принялась расспрашивать про Юрганова. «Не хочешь говорить – не надо, это твое дело, – сказала Марго чуть обиженно и кокетливо добавила: – А знаешь, он ничего». И Нине от этого стало только хуже.

Потом она вернулась домой, усталая и расстроенная, заранее зная, что ничего хорошего этот вечер ей не сулит.

Дома ее ждала записка, из которой Нина поняла, что Юрганов поехал в деревню за зимними вещами. «В деревню так в деревню, – подумала она, вздохнув. – Тем лучше». Она злилась на него – злилась, прекрасно понимая, что он ни в чем не виноват, что это она повела себя как дура, устроив вчера вечером какую-то нелепую демонстрацию. Злилась на Марго, которая всегда бесцеремонно лезет в ее жизнь. Зачем она пришла? Зачем она в самые неподходящие моменты вторгается в ее пространство? Ведь все произошло потому, что она, Нина, была расстроена и раздражена, иначе она не повела бы себя как капризная дура. А утром… утром она опаздывала, и не выспалась, и к тому же ей было стыдно за вчерашнее. Поэтому она и ушла, ни слова ему не сказав, хотя прекрасно видела, что он ждет ее пить чай.

«В конце концов, если ему это зачем-нибудь нужно, он вернется», – подумала Нина и погладила кота, который тоже, казалось, не понимал, куда делся «постоялец».

6

На следующий день, проснувшись, Нина подумала, что все не так страшно. «Если в Озерках ему надо быть только завтра, значит, сегодня он, скорее всего, вернется сюда».

На факультете у нее была только одна пара, и, когда она освободилась, не было и двух часов. Нина зашла в магазин, накупила вкусной еды, бутылку хорошего вина и поспешила домой.

Она не сразу поняла, что произошло. Когда она вставила ключ в замочную скважину, дверь как-то легко подалась, и в первое мгновение Нина подумала, что Юрганов дома и просто забыл запереться. Она переступила порог, поставила сумку и окликнула его. В квартире было совершенно тихо. Она заглянула в комнату и в ужасе уставилась на открывшуюся ей картину.

На полу около стеллажа валялась привезенная из Англии, разбитая на мелкие кусочки табакерка веджвудского фарфора и несколько книг, непонятно для чего

выброшенных с полки. Две другие фарфоровые вещицы исчезли, как исчез и видеомагнитофон, стоявший на тумбочке. Хрустальная пепельница, в которой Нина держала свои золотые безделушки, была пуста, и на дне ее Нина увидела сиротливо лежащую канцелярскую скрепку, непонятно как попавшую туда.

Платяное отделение было открыто, и на перекладине болталось несколько пустых вешалок. Не было ее нового черного платья, любимого твидового пиджака, кожаной куртки и чего-то еще – она даже не могла сразу сообразить, чего именно. Не было зеленого шелкового платка, всегда висевшего на дверце. «Господи, платок-то ему зачем?» – подумала она и в ужасе бросилась в коридор. Шуба, как ни странно, оказалась на месте, и не успела она облегченно вздохнуть, как вдруг сообразила, что Васи нет. Она подошла к окну, которое оставалось открытым, и несколько раз громко позвала его. Вася не появлялся. Тогда она легла на диван, накрылась пледом и повернулась лицом к стене. Она лежала без сна, с открытыми глазами, уставившись в одну точку. Она не чувствовала ни обиды, ни злобы. Ничего, кроме отвратительной пустоты в душе.

Когда ушел мастер, поставивший ей новый замок, было уже восемь. Она собрала на совок фарфоровые осколки, расставила книги и, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, позвонила Марго. Узнав, что произошло, Марго сказала:

– Ты никогда не слушаешь, что тебе говорят, а ведь я предупреждала. И почему ты сразу мне ничего не сказала? Если бы я знала, что этот мерзавец снова появился у тебя, я бы сообразила, как с ним поступить. Ладно, скажи спасибо, что сама осталась жива, и в другой раз…

Нина еще долго слушала ее справедливые упреки и думала, что Марго, которая постоянно учит ее жить, тоже не так уж счастлива со своим капризным Женечкой, как хочет казаться, и что «все мы одинокие несчастные бабы, и все мы, несмотря ни на что, ищем счастья, а его нет, нет, нет, нет, нет».

* * *

Следующий день тоже был богат сюрпризами. С утра позвонила Зинаида Ивановна и попросила разрешения зайти.

– Ниночка, вы еще не знаете, что со мной стряслось?

– Нет, ничего не знаю. Надеюсь, вы здоровы?

– Да-да, благодарю, я совершенно здорова, но дело не в этом. Вы знаете, меня обокрали.

– Как? Когда? – Нина не верила своим ушам.

– Вчера днем. Представляете? Я пошла в магазин и на почту, чтобы подписаться на газету. Домой вернулась через два часа. Подхожу к двери и вижу, что она как-то не совсем плотно закрыта. Сперва я решила, что сама забыла запереть ее – в моем возрасте это бывает, – а потом смотрю, на полу в коридоре валяется мой вязаный берет. Откуда, думаю, ему тут взяться? Ведь зимние вещи я еще не доставала. И тут вижу, что приоткрыта дверца стенного шкафа. Вы представляете? Слава Богу, не взяли зимнее пальто. Но украли деньги, которые я оставила на холодильнике, чтобы заплатить за квартиру. Украли старинный медальон, который носила еще моя мама, и камею. Камея, правда, была с трещинкой, но все равно. Да, и серебряные приборы: шесть ножей, ложки и вилки. Правда, что касается медальона и камеи, я сама виновата: на прошлой неделе ко мне заходила моя приятельница, которой я давно обещала их показать. А после ее ухода, представляете, забыла убрать и оставила все на тумбочке. А приборы лежали в шкафу на полке, завернутые в тряпочку. Эти ложки…

Зинаида Ивановна стала пересказывать историю серебряных ложек, но Нина уже не слушала. Как он мог? Ограбить ее – это еще куда ни шло, раз она такая дура и ничего не понимает в людях. Сама виновата. Но залезть к несчастной старухе, живущей на одну пенсию, и унести последнее, что у нее осталось? Как все это могло быть?

И вдруг она услышала:

– Вы думаете, их найдут?

– Найдут? – переспросила Нина. – Вы заявили в милицию?

– Ну конечно, а как же иначе? Я сразу же позвонила к нам в отделение… Что с вами?

– Ничего, не обращайте внимания. Я сегодня плохо спала.

Зинаида Ивановна встала:

– Вы простите меня, Ниночка, что я к вам так бесцеремонно ворвалась, но мне совершенно необходимо было поделиться с кем-нибудь… А ваш приятель? Его нет? Он показался мне очень симпатичным…

– Да, – сказала Нина, провожая ее, – да, спасибо.

«Значит, она ни о чем не подозревает. Как же быть? Пойти в милицию и сказать, что я знаю, кто это сделал? Невозможно. Невозможно – почему? Потому что мне придется сознаться в том, что я связалась с человеком, с которым приличная женщина никогда не станет иметь дело? И что фактически это я виновата в том, что произошло? Или мне просто- напросто его жаль?»

Нина представила себе, как он сидит на даче в Озерках, ест и пьет на деньги, вырученные за украденные безделушки. Представила, как приезжает милиция, хватает его и тащит в тюрьму. А потом они с Зинаидой Ивановной сидят в зале суда, и она встречается с ним взглядом: он видит ее глаза и вдруг начинает понимать, что… Какой бред! Нет уж, пусть себе живет спокойно, если может. А она постарается как можно скорее об этом забыть.

Нина старалась держаться, но на этом несчастья не кончились: пропал Вася. Он не появился ни накануне вечером, ни утром, ни в середине дня. Она несколько раз выходила искать его, даже заглянула в подвал. К вечеру опять полил дождь, и Нина, взяв зонт, снова вышла из дому и снова обошла все подвалы и обшарила кусты. И снова безрезультатно.

Но и это было не все. Уже глубокой ночью, лежа в постели, она услышала в кухне, а потом и в коридоре слабый шорох. Сначала она подумала, что это Вася и что она, задремав, просто не услышала, как он вернулся. Она позвала его, но никто не пришел на ее зов. Тогда она протянула руку и зажгла свет. На пороге ее комнаты, как символ и предвестник беды, сидела большая серая крыса, и ее маленькие черные глазки в упор смотрели на нее.

Часть вторая

1

Начался октябрь. По-прежнему шли дожди, и, хотя было довольно тепло, все жили ожиданием зимы. Вася не возвращался. Нина почти перестала спать, потому что каждую ночь прислушивалась к малейшим шорохам за окном и иногда даже выходила в темноту, под дождь, потому что ей постоянно мерещился под балконом его голос.

Из дому она выбиралась только для того, чтобы съездить на работу, и Марго не удавалось выманить ее даже в театр, который она так любила. «Твой кот никуда не денется, – говорила она. – Если он придет, то придет и без тебя: окно же открыто. А тебе надо немного проветриться – на тебя страшно смотреть».

Но Нина отказывалась. Вечерами она включала телевизор, чтобы, как она говорила, немного «утешиться» или «забыться», но забыться не удавалось: «Вас приводят в ужас некрасивые капиллярные сетки, покрывающие ваши ноги?» Или: «Вы устали от изнуряющей борьбы с целлюлитом?» – страшным голосом вопрошал с экрана мужской голос. Она немедленно переключалась на другой канал, чтобы посмотреть фильм, и перед началом заэкранный голос торжественно возвещал: «Спонсор программы – мягкое слабительное средство “Фрилакс”». «Спасибо еще, что не цианистый калий», – думала Нина и выключала ящик: настроение было испорчено.

Ей во всем мерещились мрачные предзнаменования.

Как-то в метро на эскалаторе какая-то женщина переспросила ее, как называется агентство, рекламировавшее по радио недорогие туристические путевки. «Извините, – ответила Нина, – я не расслышала: то ли “Миома”, то ли “Фиброма”», – и даже не заметила, как собеседница отшатнулась от нее.

В один прекрасный день ей самой положили в ящик рекламный проспект. На первой странице большими красными буквами было написано: «Отдых на Голгофе». В другой раз она бы от души посмеялась, но сейчас только мрачно проговорила: «Интересно, как они себе это представляют?» – и выбросила из ящика очередную порцию ненужной бумаги.

Дальше стало еще хуже. Она начала бояться оставаться в квартире ночью. Стоило ей немного задремать, как она почти тут же просыпалась, оттого что в прихожей явственно слышала шаги. Она замирала от ужаса и долго лежала в оцепенении, не в силах пошевелиться, чтобы зажечь свет, и стараясь уговорить себя, что все это ей только кажется, что никто не мог проникнуть к ней в дом, потому что на окнах решетки, а входная дверь – на цепочке, а если бы кто и проник, то не стал бы ходить по коридору взад и вперед, а давно бы уже вошел к ней в комнату и убил ее.

Но ничего не помогало: она продолжала отчетливо слышать, как скрипят половицы, и страх ее проходил только тогда, когда невероятным усилием воли она заставляла себя встать и распахнуть дверь в коридор.

Самое поразительное заключалось в том, что это происходило почти каждую ночь, и, как ни уговаривала она себя с вечера, что это не более чем ночные страхи и неврастения, история повторялась, а оставлять дверь открытой, как она всегда делала раньше, Нина боялась, хотя вызванный из ЖЭКа мастер и заверил ее, что дыру в подвале, через которую пролезла обнаглевшая крыса, он заделал. «Что ей помешает прогрызть ее еще раз? Она же чувствует, что Васи нет», – думала Нина, до обморока боявшаяся крыс.

Марго, помирившуюся с бывшим мужем, она видела только на работе и едва успевала перекинуться с ней парой слов. Другие ее подруги были заняты своими семьями, и выходило, что даже поболтать по телефону ей было не с кем. В выходные она стала подолгу валяться в постели, ленилась убираться, готовить обед и чаще всего обходилась чаем с печеньем, которое грызла без всякого аппетита, сидя с книгой, неделями открытой на одной и той же странице.

– Что-то ты мне не нравишься, – заметила Марго, когда однажды Нина довольно вяло поведала ей о своей жизни.

– Ерунда, – отмахнулась Нина.

– Нет, не ерунда. Знаешь, как это называется? Депрессия. И нечего объяснять, отчего она бывает. И так ясно.

– Может, и так, – равнодушно ответила Нина, которой хотелось одного – как можно скорее уйти.

– Нет, ты подожди, – удерживала ее за руку Марго. – Не хочешь ли ты сказать, что все это с тобой происходит из-за какого-то паршивого бомжа?.. Что ты на меня так смотришь?

Нина отворачивалась, потому что говорить о нем в таком тоне она не хотела, да и вообще не имело смысла продолжать подобный разговор.

– Нет, ты не отворачивайся, – настаивала неугомонная Марго. – Ты посмотри мне в глаза. Ты что – влюбилась в него?

– Ах, оставь, пожалуйста, – говорила Нина, с досадой вырывая руку.

* * *

Вечером, сидя за столом напротив своего «бывшего», Марго говорила:

– Слушай, Женька, надо что-то делать с Нинон.

– А что такое? – спрашивал Евгений Михайлович.

– Эта дурочка влюбилась в своего бомжа.

– В бомжа?! – переспрашивал Евгений Михайлович, отрываясь от тарелки с супом и глядя на нее поверх очков.

– Ну да, в бомжа. Тебя это удивляет?

– А тебя – нет?

– Ах, боже мой, ведь ты ничего не знаешь! Прошлой зимой у нее под лестницей поселился бомж, и Нинон, у которой, очевидно, есть природная склонность подбирать всех бездомных подряд, начала с того, что стала готовить ему обеды, а кончила тем, что взяла его в дом.

– То есть? – Евгений Михайлович замер с ложкой супа в руках.

– Господи, Женя, как ты умеешь действовать на нервы, – раздражалась Марго, несколько отвлекаясь от главной темы. – Взяла значит взяла. Он, видите ли, заболел.

– А-а, – промычал Женя, снова принимаясь за суп, – вот видишь.

– Что – «видишь»? Ты же ничего не знаешь! Этот бомж лечился у нее не хуже чем в санатории, потом уехал и все лето, слава Богу, не появлялся. А теперь вылез откуда-то, очевидно, на зиму глядя, и снова явился к ней.

– И что же?

– И она опять пустила его.

– Так, может, этот бомж, э-э, как бы это выразиться?..

Марго с негодованием прервала готовое сорваться с его уст предположение:

– Что – «э-э»? Он оказался вором, этот ваш красавец. Он обокрал ее и ее соседку. А я предупреждала!..

– Слушай, Марго, а это не тот ли самый человек, которого ты видела у нее месяц назад, когда мы заехали к ней как-то вечером?

– Ну да, я же тебе о нем и рассказываю.

– Но ведь ты говорила, что у него «вполне приличный вид», или он «вполне ничего», или что-то в этом роде?

– Да, но ведь я тогда не знала, что это тот самый тип. Она же скрыла это от меня.

– Это дела не меняет. Если у него, как ты говоришь, «приличный вид», может, это и не он ее обокрал?

– То есть как? – взорвалась Марго. – Она сама, понимаешь? Сама убеждена, что это он. И потом, сразу после кражи он исчез.

– Ну, значит, ей просто не повезло.

– Это значит совсем другое, – вскипела Марго. – Это значит, что ей надо помочь.

– Помочь? А что с ней такое?

– У нее депрессия, и поэтому она живет таким раком-отшельником, что…

– Раком, говоришь? Раком, это хорошо…

– Прекрати, пожалуйста, свои идиотские шутки и выслушай меня. Еще раз говорю: ей надо помочь.

– Каким образом ты собираешься это сделать? – удивился Евгений Михайлович.

– Слушай, Женя, – сказала Марго заговорщически, пододвигаясь ближе к нему, – У нее скоро день рождения. Она, правда, и слышать ни о чем не хочет, но, по-моему, будет лучше, если мы приедем к ней и постараемся как-то отвлечь. Что скажешь?

– Скажу, что, если ты это придумала, никакая сила не убедит тебя, что делать этого не нужно. Я покоряюсь.

Нина, узнав о намерении Марго осчастливить ее своим присутствием, тоже покорилась и начала готовиться к приему гостей. Утром тридцать первого ей позвонила Зинаида Ивановна и, как всегда, попросила разрешения зайти.

– Как у вас вкусно пахнет! Вы ждете гостей? – воскликнула старая дама, едва переступив порог.

– Да, зайдет моя подруга с мужем, – ответила Нина и положила на тарелку два больших куска пирога – с капустой и яблоками. – Это вам к чаю.

– Боже мой, что вы сделали? – воскликнула Зинаида Ивановна. – Испортили такие красивые пироги!

– Ничего, придут мои старые друзья: надеюсь, они меня простят, – сказала Нина и грустно улыбнулась.

Зинаида Ивановна пристально взглянула на нее:

– Ниночка, скажите, у вас неприятности? Я видела вас вчера на улице: вы мне показались такой грустной. Простите, что я лезу не в свои дела, но…

– У меня пропал кот, а все остальное – в полном порядке. Спасибо, что вы заботитесь обо мне, когда у вас у самой… неприятности.

– Ах, Боже мой, я же совершенно забыла! – воскликнула Зинаида Ивановна. – Из-за ваших чудесных пирогов я не сказала вам самого главного: его нашли.

– Кого? – спросила Нина, похолодев.

– Как – кого? Вора, конечно. Вы представляете? Все ругают нашу милицию, а они так быстро: раз-раз и готово. А ведь прошло меньше месяца.

– И вы… вы его видели?

– Кого? Вора? Нет, к сожалению, они мне его не показали. Они позвали меня, чтобы я опознала свои вещи.

– И что же? Вещи нашлись? – у Нины немного отлегло от сердца. «Слава Богу, она хотя бы не видела его».

– Представьте: почти все нашлись. Он сдал в комиссионный магазин какую-то цепочку и на этом попался. А остальные вещи нашли у него дома.

– Дома? – переспросила Нина, не веря своим ушам.

– Ну да. Женщина из соседнего подъезда, к которой он залез в тот же день, что и ко мне, сказала, что он откуда-то с Украины и снимал комнату или квартиру. Что вас удивляет?

– Да нет, ничего. Значит, вы так и не знаете, кто он?

– Вы имеете в виду фамилию? Нет, фамилию я не знаю, и зачем она мне? Слава Богу, нашлись почти все мои вещи, кроме камеи, которую он подарил какой-то девочке, и которую сам не знает, где найти. Даже ложки целы.

– Так он… молодой?

– Ну да, разве я не сказала? Вы представляете, какой ужас? Загубил парнишка себе жизнь.

«Это не парнишка, – думала Нина, оставшись одна. – Это я загубила себе жизнь. Что я наделала? Как я могла заподозрить его в этой злосчастной краже? Как эта нелепость могла прийти мне в голову?»

Нина стала восстанавливать в памяти все происшедшее, чтобы понять, чем объяснялась уверенность, с которой она приписала эту кражу Юрганову. В тот вечер, когда к ней заехала Марго с Женей, он объявил ей, что уезжает в Озерки, и она расстроилась. Она пыталась убедить себя, что ее расстроила бесцеремонность Марго, хотя на самом деле в глубине души прекрасно понимала, что дело не в Марго, а в ней самой. А кража… Кража – это одна из тех немыслимых шуток, которые судьба играет с человеком. Если бы вор действовал менее аккуратно, она бы наверняка заметила, что замок сломан, и догадалась, что это не мог быть Юрганов, так как у Юрганова был ключ. А книги, выброшенные с полки? Сначала она не поняла, почему они валяются, а потом вспомнила, что как-то при нем вытащила из томика Чехова спрятанную там пятисотрублевую бумажку. Разве не очевидно, что он рылся в книгах в поисках денег? А квартира Зинаиды Ивановны? Ведь он там был и видел ее медальон, а медальон – старинный и очень дорогой. Да и с котом… Нина, хоть и ходила каждый день искать его, почему-то была уверена, что Васю взял он. Вот и все. Разве она виновата, что так невероятно совпали обстоятельства?

«Боже мой, Боже мой, – повторяла Нина. – Что я наделала?» Она вспомнила, как в тот вечер, когда приезжала Марго, она не разговаривала с ним, узнав о его

отъезде. «Что он подумал? Какой вздорной дурой я ему показалась! И утром, Боже мой, я ушла, не сказав ни слова, не попрощавшись, будто он в чем-то был передо мной виноват. А когда вернулась, его уже не было. Все, это конец. Он наверняка никогда больше не придет, никогда не простит, никогда не захочет меня видеть. Ведь если бы хотел, он давно бы дал о себе знать. Или просто приехал бы, ведь Озерки – не так далеко от Москвы».

И вдруг она с ужасом вспомнила, что поменяла замок. Это означало, что он приходил, конечно же, приходил, ведь он не мог уехать в Озерки, не простившись, и, значит, видел этот замок и истолковал это тем единственным способом, которым можно было это истолковать: его не хотят больше видеть. Как же иначе? Любой на его месте понял бы это точно так же. Или он решил не возвращаться после той безобразной сцены, которую она закатила ему? Ведь прошел уже целый месяц…

Нина опять вспомнила тот злополучный день и покраснела. Как она могла себе позволить подобную вещь? Неужели она сделала это только потому, что он повел себя не так, как ей бы хотелось? Неужели она действительно любит его? И неужели теперь ничего нельзя изменить?

«Что я могу сделать? Все, что я знаю, это что он находится в Озерках. Поехать туда, обойти все дачи и найти его? Или попытаться вспомнить фамилию его товарища? Он говорил, что это известный фотограф… Впрочем, я и так найду. Но нужна ли я ему? И что я ему скажу? Попрошу прощения? Предложу себя в жены? И откуда мне знать, как на самом деле он ко мне относится?»

Нина в отчаянии металась по квартире, не зная, как поступить. «И еще этот дурацкий день рождения», – с досадой пробормотала она и вдруг вспомнила, что за несколько дней до его исчезновения они говорили о своих знаках зодиака, и Нина сказала: «Я – Скорпион, родилась тридцать первого октября». «Если я ему хотя бы немного дорога, он это запомнил. И, значит, придет». И Нина, надев серое шелковое платье, которое ей очень шло, стала ждать.

* * *

Бывшие супруги Рогинские пришли вовремя. Евгений Михайлович галантно преподнес Нине ярко-желтые хризантемы, а Марго, протянув ей небольшой, изящно упакованный сверток и поцеловав в щеку, спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Ты о чем? – переспросила Нина, которая не могла простить ей стойкую антипатию к Юрганову.

– Что-то случилось? – настойчиво повторила Марго, пристально вглядываясь Нине в лицо.

– Ничего, – ответила та.

– Что ты мне рассказываешь? Я же вижу – что- то произошло: у тебя сегодня совершенно другой вид. Давай, колись.

И Нина, отчасти понимая, что сопротивляться бесполезно, отчасти желая исправить допущенную несправедливость, все рассказала. Однако Марго тоже не собиралась сдавать позиции.

– Тем лучше для него, – сказала она сухо. – Только я не понимаю, чему ты радуешься.

– Радуюсь, потому что не ошиблась в нем. Разве не ясно?

– Ну хорошо, допустим. И где же он теперь, твой рыцарь без страха, упрека и… определенного места жительства?

Нина укоризненно взглянула на нее:

– За что ты его так не любишь?

– А за что мне его любить? Мы с тобой когда-то уже говорили, что человек, не удержавшийся на социальной лестнице, вообще склонен скатываться по наклонной плоскости все ниже и ниже…

– Склонен, наклонен, – проворчал Евгений Михайлович. – Давайте лучше сядем за стол. Очень вкусно пахнет.

– Пожалуйста, не вмешивайся! – рявкнула Марго, которая уже не могла остановиться. – Так что? Что скажешь?

– Скажу, что ему просто не повезло, – тихо проговорила Нина и добавила: – Ему, как и Васе, досталось в жизни.

– Да что ты можешь знать про его жизнь?..

– Все, – ответила Нина. – Я знаю все.

– Да? Это что-то новое. И когда только ты успела? Ну хорошо, если ты все знаешь, то скажи хотя бы, где он теперь обретается, твой бомж?

– Он уже не бомж. Он работает.

– Работает? Ха-ха! Хотела бы я знать – кем?

– В данный момент он сторожит дачу.

– Ах, дачу. Ну что ж, сторожиха – это тоже положение, ничего не скажешь. И как же его зовут?

– Лев.

Марго расхохоталась.

– Ты шутишь? Ха-ха-ха! Ах, Боже мой, давно я так не смеялась. Мало тебе кота, так ты решила обзавестись львом… Ха-ха-ха!

– Кота, как ты знаешь, у меня больше нет, – тихо сказала Нина.

– Девочки, девочки! – не выдержал Евгений Михайлович. – Давайте прекратим дискуссию: очень хочется есть. Марго! Что ты прицепилась к мужику? Ты же его совсем не знаешь!

Но Марго уже не могла остановиться. Она, как это часто бывает с женщинами, заняв единожды какую-то позицию, вовсе не собиралась так просто отказываться от нее и сдаться без боя. Весь вечер она с пеной у рта доказывала молча жующему Жене и Нине, которая ее не слушала, что «бомжами в девяносто девяти процентах случаев становятся настоящие маргиналы, то есть люди, от рождения склонные к жизни вне общественных рамок…».

Нине было все равно. Она то прислушивалась к звукам, доносившимся с лестницы, то поглядывала на часы. «Еще не поздно, он еще может появиться», – говорила она себе в упрямой надежде.

Время шло, за окнами стало темно. Евгений Михайлович, объевшись, отвалился на спинку дивана и стал незаметно делать знаки Марго, сидевшей напротив, что пора домой, но Марго не замечала или делала вид, что не замечает. Когда Нина зачем-то вышла в кухню, он шепотом сказал:

– Марго, давай поедем, а? Мне завтра рано вставать.

– Нет, – ответила Марго. – И не проси.

– Но почему? Мы же договаривались уйти пораньше!

– Я сказала – нет, – повторила Марго, – возьми еще пирога.

– Я не хочу пирога, я объелся. Скажи, почему – нет?

– Потом скажу, не приставай, – отрезала Марго и отпихнула его.

– О чем это вы шепчетесь? – спросила Нина, входя в комнату.

– Женя хочет еще пирога, но стесняется попросить, – сказала Марго, не обращая внимания на зверский взгляд, который бросил на нее Евгений Михайлович.

– Женечка, неужели? Какого тебе положить – с капустой или сладкого? – спросила Нина и положила ему на тарелку по огромному куску от каждого.

Было уже начало десятого, когда гости наконец поднялись из-за стола и вышли в прихожую одеваться. Когда они оказались на лестнице, Евгений Михайлович спросил:

– Зачем ты это сделала? Зачем ты заставила меня просидеть там столько времени и есть в таком количестве эти пироги?

– Тише ты, здесь все слышно, – прошипела Марго и толкнула его локтем.

* * *

Время шло, но от Юрганова по-прежнему не было известий, и Нина никак не могла решиться отправиться на его поиски в Озерки. То она с обидой и упрямством твердила, что «если бы он хотел, то давно бы пришел ко мне сам», то в приступе самобичевания чуть не хватала с вешалки пальто, чтобы бежать на вокзал, ехать в Озерки и просить прощения «за все»: за свое дурацкое поведение, за новый замок, за то, что считала его вором. Но в последнюю минуту что-то останавливало ее.

Был уже конец ноября. Снег все еще не выпал, и вечерами, в темноте, окрестности казались особенно мрачными. Нина по-прежнему каждый день отправлялась на поиски Васи, хотя давно уже потеряла всякую надежду. Однажды, вернувшись домой после очередной прогулки, Нина залезла под душ, чтобы немного согреться, и в этот момент ей показалось, что звонят в дверь. Она выключила воду и прислушалась: звонок громко и настойчиво повторился. Нина, не вытираясь, надела халат и выскочила в коридор.

– Кто там? – спросила она через дверь, различив в глазок очертания незнакомой мужской фигуры.

– Вы – Нина?

– Да, – ответила она и почувствовала, что у нее быстро забилось сердце.

– Вам записка от Юрганова, откройте.

Нина не помня себя начала отпирать многочисленные замки, на которые запиралась с тех пор, как ее стали одолевать ночные страхи.

– Сейчас, сейчас, – бормотала она. – Пожалуйста, подождите, я сейчас…

Наконец дверь открылась. На пороге стоял молодой человек, коротко стриженный, в кожаной куртке.

– Вот, возьмите, – сказал он, лениво перебросив во рту жвачку, и протянул ей смятый и довольно грязный клочок бумаги.

– Спасибо, – пробормотала она и развернула записку, в которой была всего одна фраза: «Я никого не убивал. Лев».

Нина несколько раз перечитала, затем, в одном халате, надетом на голое тело, бросилась за молодым человеком, который успел отойти от дома на добрую сотню метров.

– Подождите! – крикнула она и бросилась бежать за ним.

Молодой человек остановился и, не сделав ни шага ей навстречу, ждал, пока она добежит до него.

– Скажите, ради Бога, что это значит? – спросила Нина, запыхавшись, и протянула ему записку.

Молодой человек на записку не посмотрел (очевидно, был знаком с ее содержанием) и равнодушно ответил:

– Сидит ваш Юрганов за мокрое, по сто пятой.

– Но за что?

– Чего – за что? Я же говорю, за мокрое.

– То есть вы хотите сказать, что он кого-то убил?

– Я сказал – сидит, а замочил или нет, откуда мне знать? Мне маляву велели передать, я передал, а остальное меня не касается, – Он повернулся, чтобы уйти.

– Пожалуйста, подождите, – остановила его Нина, – скажите хотя бы, где он?

– В Бутырке, где же еще? – бросил молодой человек и быстрыми шагами направился к метро.

Нина вернулась домой, сбросила халат и забралась под одеяло, чтобы согреться. Все происшедшее казалось ей кошмарным сном. Юрганов – в тюрьме за убийство? Как это может быть? Как они не понимают, что такой человек, как он, не мог убить? Просто не мог, и все. Достаточно немного поговорить с ним, чтобы понять, что он добрый, тонкий, прекрасный человек. Да что там – поговорить? Достаточно взглянуть ему в глаза. Нина вспомнила выражение его глаз, когда он брал на руки Васю: в них светилась такая нежность. И кот, который как огня боялся мужчин, так как наверняка в свое время ему крепко досталось именно от представителей сильной половины человечества, любил Юрганова и доверял ему. А кота не проведешь – у кота инстинкт! За что же они держат его?

Вдруг Нина вспомнила, как после злополучной кражи представляла его себе за решеткой, а потом в суде, и вскочила как ошпаренная. «Это я, я во всем виновата! Если бы не моя дурацкая выходка, ничего бы не случилось».

Ей почему-то стало казаться, что, если бы они не «поссорились», его обстоятельства могли бы сложиться по-другому и несчастья не произошло бы. А теперь она не знает, ни где, ни когда, ни как это случилось. Парень так спешил и был так холоден и равнодушен, что она, растерявшись, не задала ему самых главных вопросов и, кроме того, что он в Бутырке, ничего не знает.

Нина закрыла глаза и представила себе это «страшное место»: переполненные камеры, баланда в алюминиевых мисках, уголовники с татуированными телами. И посреди этого ужаса – Юрганов. Завтра же она пойдет и все выяснит, и – кто знает? – может быть, все еще уладится?

Она снова легла и попыталась заснуть, но сон не шел к ней. «Его обвиняют в убийстве, которого он не совершал, я уверена. Во всяком случае, умышленно он не мог его совершить. Но ведь я ничего не знаю: бывают же страшные случайности, и тогда человека все равно судят за убийство, пусть и

непредумышленное. Что, если это именно так? Если так, ему дадут небольшой срок, и я буду писать ему и ждать. Интересно, сколько дают за непредумышленное убийство? Год, два, три? Ничего-то я не знаю! Не знаю самых простых и необходимых вещей. И потом, я совершенно одна. Мне не к кому обратиться, некого попросить о помощи. Я даже не могу сказать об этом Марго, моей лучшей подруге!»

Нина представила себе, как Марго, узнав о том, что произошло, с торжеством восклицает: «Ну? Что я вам говорила? Он к тому же еще и убийца!»

Правда, Юрганов упоминал своего товарища, чью дачу он должен был охранять. Но все, что она о нем знает, сводилось к тому, что он – известный фотограф, что зовут его, кажется, Павел и что у него дача в Озерках. Можно ли найти в Москве человека по этим признакам? Наверное, если постараться. Что еще? Завтра же она поедет в Бутырку и попытается что-нибудь выяснить и попросить свидание, и если свидание не разрешат, то хотя бы передаст посылку и письмо. Да, главное, письмо, чтобы он знал, что он не один.

2

В Бутырку на следующий день Нина не попала. Когда она освободилась после занятий, было уже два, и ей пришлось взять такси, потому что, во-первых, она не знала, каким транспортом туда можно добраться, во-вторых, чувствовала, что опаздывает.

Таксист, которому она с некоторой опаской назвала интересующий ее пункт назначения, нисколько не удивился и кивнул, будто она попросила отвезти ее не в тюрьму, а к Большому театру или на Черемушкинский рынок.

Подъехав к Бутырке, Нина поняла, что опоздала: окошко закрылось. Ей объяснили, что приезжать надо рано, к семи, а то и к шести утра и вставать в очередь, а очередь, как правило, очень большая.

На следующий день она приехала туда в половине седьмого. Во дворе было еще темно, но посетителей собралось уже человек двадцать: некоторые тихо переговаривались друг с другом, но в основном люди стояли молча, время от времени поглядывая на часы.

К восьми, когда должно было открыться заветное окошко, перед входом собралась толпа. Когда открыли дверь, ведущую в помещение, Нину оттеснили, и она оказалась в третьем десятке. Очередь двигалась медленно: Нина передвигала по полу тяжелую сумку, набитую продуктами, и прислушивалась к обрывкам разговоров стоящих рядом людей.

– Запрещено, – ответила женская голова в маленьком окошке, когда Нина спросила, может ли она хотя бы передать Юрганову письмо.

– Но почему? Это всего лишь записка: в ней нет ничего запрещенного. Прочтите, она не запечатана.

– Женщина, отойдите, – сказала голова, – вы что, не видите? Вон какая у меня очередь, а вы тут со своими записками. Отойдите!

Очередь тоже начала выражать недовольство, и Нине пришлось отойти от окошка, так ничего и не добившись. Она поставила на пол тяжелую сумку и стала ждать, пока очередь рассосется и она сможет подойти и снова попытаться договориться с «головой».

– Что, передачу не принимают? – услышала она за спиной чей-то голос и обернулась. Это был немолодой мужчина, одетый, несмотря на довольно теплую погоду, в зимнее пальто с серым каракулевым воротником.

Нина кивнула.

– Вот и я тоже, – вздохнул он. – Приехал из Омска повидать сына, а свидания не дают.

– Вам-то почему не дают? Вы же отец!

– Отец-то отец, да сынок чего-то тут натворил, вот и отказали. И передачу не берут.

– И что же делать?

– Что делать!.. Ждать, когда разрешат: не лететь же обратно. У вас тоже сын?

– Нет, – сказала Нина.

– Муж, значит?

– Нет, – вздохнула она, – и не муж.

– Кто ж тогда? Брат, что ли?

– Нет… мы не родственники.

– Не родственники? – удивился мужчина. – Ну кто ж тогда вам разрешит? Тогда не разрешат, это точно.

– А если у него никого нет! – воскликнула Нина, которой хотелось хоть кому-нибудь высказать возмущение местными порядками. – Если он один, значит, он не имеет права даже на передачу?

– Да-а… – Дед сочувственно покачал головой. – По какой статье хоть он сидит-то у вас? По сто пятьдесят девятой?

– А что такое – сто пятьдесят девятая? – спросила она.

– Сто пятьдесят девятая-то? Мошенничество. У меня сын – по сто пятьдесят девятой.

– Нет, – сказала Нина.

– А по какой же?

– Не знаю, – ответила она и с тоской подумала: «Что он ко мне привязался?»

– Не знаете? – опять удивился он. – Что он сделал-то?

– Он ни в чем не виноват.

– Ну это понятно, что не виноват, – усмехнулся дед. – Но шьют-то ему что?

– Убийство, – тихо сказала Нина.

– У-у, – протянул мужчина, и Нине показалось, что он посмотрел на нее с уважением. – Тогда пиши пропало – не дадут вам свидания.

Нина переложила сумку с передачей из одной руки в другую и повернулась к выходу.

– А знаете что? – раздался опять голос деда. – Вы пойдите к следователю. Скажите, так, мол, и так: хочу сообщить данные по делу. Он вас и примет. А вы, – он перешел на шепот, – ему, ну, это самое, дайте, понимаете? И скажите: мол, я ему жена, что хотели, мол, пожениться да не успели зарегистрироваться, то-се… Может, он свидание-то и разрешит?

Нина посмотрела на него:

– А как я его найду?

– Кого?

– Следователя.

– Так вы сходите в прокуратуру, там и спросите.

– В какую? Я даже не знаю, в какую прокуратуру надо обращаться.

– Так, я думаю, по месту жительства! Или, может, по месту преступления? А вы спросите!

Нина помолчала. Не рассказывать же ему, что у человека, к которому она пришла, места жительства нет, а о месте преступления ей ничего не известно. Слишком все это сложно и странно для этого простодушного деда.

– Как вы думаете, – спросила она, – здесь мне могут сказать, кто его следователь? Они здесь это знают?

– Здесь-то? А как же! – У деда вытянулось лицо в ответ на такую наивность и незнание жизни. – Здесь у них все прописано: кто следователь, кто адвокат, по какой статье сидит, кого пускать на свидание, кого не пускать. А как же! Все записано. Следователь-то сюда приходит на допрос, как же им не знать?

– А они мне скажут, если я спрошу?

– Так отчего ж не сказать? Небось, скажут: не военная тайна. Вы только тихонько так попросите: мол, надо со следователем переговорить, мол, имею данные по делу.

Нина поблагодарила и опять встала в очередь.

* * *

Через сорок минут, выходя из СИЗО, она знала, что дело Юрганова ведет следователь Анатолий Петрович Залуцкий из N-ской районной прокуратуры. Сегодня же она по справочному телефону узнает адрес, а завтра, после занятий, поедет к нему. Как хорошо, что ей попался этот дед и надоумил ее узнать про следователя: конечно же, беседуя с ним один на один, она сможет узнать все подробности, рассказать все, что знает о Юрганове, и спросить, чем можно ему помочь. А потом будет видно.

Кроме того, Нина вспомнила, что в прошлом году у нее был частный ученик, Саша Лопухов, отец которого был известным юристом. Она не имела ни малейшего представления о том, какие дела он ведет, но было совершенно ясно, что он мог помочь ей найти хорошего адвоката, специалиста по уголовным делам, и, может быть, даже дать полезный совет.

Но ей не повезло. Илья Александрович Лопухов был в отъезде и вернуться, как сказал его сын Саша, должен был не раньше второй половины декабря.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил Саша.

– Нет, спасибо. Я даже не уверена, что мне может помочь твой отец. Если позволишь, я позвоню недели через две.

– Конечно, конечно, звоните, – весело сказал Саша и повесил трубку.

Со следователем тоже все было непросто. На месте его не оказалось, и никто не мог ей ответить, когда он вернется и вернется ли вообще до конца рабочего дня.

– А завтра? – спросила она. – Завтра он будет?

– Не знаю, – ответила неприветливая дежурная, – он мне не докладывает. Вы запишите его телефон и звоните. Как сможет, так и примет.

Выйдя из прокуратуры, Нина пошла по Тверскому бульвару, и вдруг взгляд ее упал на афишу: на белом прямоугольном листе под большой черно-белой фотографией, изображавшей красивую брюнетку с длинными разметавшимися от ветра волосами, было написано: «Павел Салтыков. Портрет современника».

«Это же тот самый Павел Салтыков, фотохудожник, его товарищ», – подумала Нина и снова посмотрела на афишу. Открытие выставки должно было состояться в четверг, и лучшего способа повидаться с единственным человеком, знавшим Юрганова, найти было трудно.

Открытие было намечено на двенадцать часов, но у нее в это время были занятия и отменить их, конечно же, было невозможно. «Неужели придется просить Марго меня заменить? – подумала Нина и слегка поморщилась при мысли о подруге. – Во-первых, в четверг у нее свободный день и перспектива выхода на работу вряд ли ее обрадует. Во-вторых, когда она узнает, зачем это нужно, она вообще вряд ли согласится».

Но выхода не было, потому что застать Салтыкова на выставке наиболее вероятно можно было только на вернисаже, и, вернувшись домой, Нина бросилась к телефону.

На сей раз ей повезло. Марго, выслушав ее просьбу о замене, не проявила особого интереса к тому, чем вызвана эта просьба, и сразу же согласилась.

– Да ради Бога! Тем более что в четверг мне все равно придется там быть.

– Зачем? – удивилась Нина. – У тебя же свободный день!

– Ты не поверишь: Козловская отказалась от поездки в Англию, а так как следующая очередь – моя, Ирма Петровна позвонила мне и велела срочно оформляться. Я тебе уже сто раз звонила, хотела рассказать, но тебя не было.

3

В небольшом особнячке на Гоголевском бульваре, где располагался Фотоцентр, было полно народу. Публика была пестрая: попадались длинноногие красавицы, элегантно одетые немолодые мужчины, студенты и арбатские старушки в старомодных шляпках. Нина направилась к раздевалке и, не успела снять пальто, как услышала возле себя знакомый голос:

– Нина, ты? Как ты сюда попала?

Это была бывшая Нинина сокурсница, Лёля Долецкая, с которой они не виделись уже много лет.

– Лёля, не может быть!

– Как ты здесь? Интересуешься фотографией?

– Нет, я по делу.

– По делу? К кому?

– Хочу поговорить с виновником торжества.

– С Салтыковым? – удивилась Лёля. – Разве ты с ним знакома?

– Нет, но хочу попробовать познакомиться.

– Ну, так давай я тебя представлю, я его прекрасно знаю.

– Ты? – удивилась в свою очередь Нина. – Каким образом?

– Я много лет дружила с его покойной женой. Ну что, идем? – Лёля кивнула в сторону лестницы. – Я тогда не буду одеваться, а то я ведь уже собралась уходить.

Нина замялась.

– Видишь ли, у меня к нему несколько необычное дело, и я не уверена, что… словом, может быть, мне лучше пойти одной?

– Как хочешь, – обиделась Лёля, – я хотела помочь.

– Не обижайся. Видишь ли, это не светский визит: речь идет о его старом товарище, и я хочу попросить его о помощи.

– О помощи? Случайно, не о деньгах? – Лёля скорчила гримасу, явно выражавшую неодобрение.

– Нет, конечно, нет. О любой помощи, которую он сможет оказать.

– Вообще-то, Салтыков не совсем тот человек, к которому я бы, например, стала обращаться за этим, но тебе видней.

– Почему?

– Ну, во-первых, у него неприятности, а, во-вторых, на доброго самаритянина он, по-моему, не тянет. Да и вообще, ты выбрала не самый подходящий момент: там сейчас дым коромыслом. Впрочем, он, наверное, уже слегка набрался, так что попробуй: может, он под градусом сделается добрее. Да и дам он любит.

Лёля пошла одеваться, и Нина с некоторым сожалением посмотрела ей вслед. Вероятно, она неправа и напрасно отказалась от Лёлиной помощи. В конце концов, если бы ее представила Лёля, может быть, Салтыков отнесся бы к ее просьбе более внимательно? «Нет, лучше, если я сделаю это сама», – сказала

себе Нина и направилась к лестнице.

Салтыкова, стоявшего в группе людей неподалеку от накрытого белой скатертью стола с шампанским и бутербродами, Нина узнала сразу, по тому характерному, немного взволнованному, немного рассеянному выражению лица, какое бывает у человека, находящегося в центре внимания. Это был высокий, плотный, лысоватый человек лет пятидесяти с довольно приятным лицом. Он несколько рассеянно слушал то, что говорил ему стоящий рядом человек с бородой, и с удовлетворенным видом оглядывал зал, время от времени кивая знакомым и отпивая шампанское из длинного, узкого бокала.

Подойти к нему сразу Нина не решилась. Она бродила по залу, рассматривая выставленные работы и искоса наблюдая за автором, чтобы не пропустить момент, когда он останется один. Ждать пришлось довольно долго. К нему подходили все новые и новые люди: с некоторыми он здоровался кивком головы, некоторым пожимал руки, с некоторыми троекратно целовался в щеку и приятно улыбался дамам.

Наконец Нина заметила, что он оторвался от своих многочисленных собеседников и скрылся за маленькой боковой дверью в углу зала. Она бросилась за ним и оказалась в длинной и узкой комнате, где вдоль стен стояли подрамники, картонки, стекла, еще какой-то упаковочный материал, а на полу – коробки с водкой и шампанским.

– Леночка, может быть, вынести еще шампанского? И, по-моему, у нас где-то были конфеты? – Салтыков обращался к блондинке, сидящей за письменным столом в глубине комнаты у окна: она подкрашивала губы, глядя на себя в маленькое круглое зеркальце.

– Как скажете, Павел Аркадьевич. Все вынести, что есть?

– Нет, все не надо. Поставьте пару коробок, а потом посмотрим.

– А водку?

– Пока не надо.

– Как скажете. Вы к кому? – резко спросила блондинка, заметив Нину за спиной у Салтыкова. Тот тоже обернулся и вопросительно посмотрел на нее.

– Павел Аркадьевич, я к вам, – сказала Нина и поспешно добавила: – Я понимаю, сейчас вы, наверное, очень заняты, но я готова подождать или прийти повидать вас в какой-то другой момент, когда вам удобно…

– Мы с вами, э-э, простите, кажется, знакомы? – перебил ее Салтыков, одобрительно оглядев ее с ног до головы и приятно улыбнувшись. – Напомните, где мы встречались?

– Боюсь, что вы ошибаетесь – мы незнакомы.

– Вы уверены? Очень жаль. Впрочем, тем интереснее. Может быть, мы с вами куда-нибудь?.. – Он повертел головой в поисках места, где бы скрыться, но блондинка сказала:

– Пойду займусь столом, а вы оставайтесь здесь.

– Спасибо, Леночка, – сказал Салтыков и предложил Нине сесть. – Могу ли я узнать ваше имя?

– Меня зовут Нина… Нина Григорьевна, и я бы хотела поговорить о вашем товарище…

– О моем товарище? – Салтыков удивленно поднял брови, и Нине показалось, что он разочарован. – О ком же?

– О Юрганове.

– Ах, вот как, – протянул Салтыков после небольшой паузы и как-то странно посмотрел на нее. – Любопытно. Так вы знаете Юрганова?

– Да.

– И… давно вы знакомы, позвольте спросить?

– Нет. Мы познакомились прошлой зимой.

– Вот как. И где, если не секрет? Я потому спрашиваю, что, э-э, как бы это выразиться, его жизненные обстоятельства вообще таковы, что не слишком располагают к знакомству с дамами.

– Вы правы: прошлую зиму он провел под лестницей в нашем подъезде, а познакомились мы, в полном смысле слова, совсем недавно, этой осенью.

– Понятно. И чего же вы, так сказать, от меня ждете?

– Прежде всего я бы хотела спросить, знаете ли вы, что с ним произошло?

– С ним? Вы так ставите вопрос?

– Я не понимаю… Вы знаете, что он в Бутырке?

– Разумеется.

– То есть вы знаете, что его обвиняют в убийстве?

– Это-то я как раз знаю, – Салтыков чуть заметно усмехнулся, – но все же я жду, пока вы перейдете к делу и скажете, чего вы хотите в этой связи от меня?

– Павел Аркадьевич, я понимаю, что сейчас не вполне подходящий момент для подобного разговора, но в такой ситуации, мне кажется, дорога каждая минута, и, может быть, мы могли бы подумать, как ему помочь… – начала Нина, но Салтыков перебил ее:

– Помочь? Простите, я правильно понял? Вы обращаетесь за помощью – ко мне?

Нина смутилась: она сразу заметила что-то странное в его тоне, но не придала этому значения, потому что не понимала, чем вызван этот тон. Но сейчас ей пришлось сказать:

– Я начинаю понимать, что, вероятно, ошиблась, придя сюда. Наверное, я выбрала неподходящее время для подобного разговора… Простите…

Она схватилась за сумочку, но Салтыков остановил ее.

– Ну нет, раз уж вы пришли, пожалуйста, объяснитесь. Какого рода помощь вам нужна? Деньги? Если деньги, то, должен сказать, мои личные обстоятельства сейчас таковы, что я вряд ли смогу быть вам полезен. Я даже вынужден был сдать свой билет в Японию, чтобы иметь возможность организовать все это. – Он показал на коробки с водкой и шампанским.

Нина вспыхнула.

– Я пришла вовсе не для того, чтобы просить у вас денег…

– А для чего? – опять перебил ее Салтыков. – Может быть, вы хотите найти с моей помощью адвоката? Извольте, я готов посоветовать вам хорошего юриста. Или, может быть, вы ищите у меня моральной поддержки? Если так, то вы должны понять, что ставите меня в довольно затруднительное положение.

– Я хотела только одного: убедиться, что вам не безразлична судьба вашего товарища, но, к сожалению, вижу, что сегодня вам действительно не до него. – Нина встала.

– Нина Григорьевна, сядьте, пожалуйста. Я вовсе не хотел вас обидеть. Но и вы должны меня понять. Вы приходите ко мне в такой, я бы сказал, ответственный день… не перебивайте, я уже слышал ваши извинения… так вот, в такой день… и пусть вас не вводит в заблуждение вид всей этой праздничной мишуры: это, так сказать, дань обстоятельствам. Пришли люди, ценящие мое творчество, и я не мог обмануть их ожидания и вынужден был устроить все так, как этого требуют приличия. – Он опять показал на коробки со спиртным. – Но все это вовсе не означает, что мое душевное состояние соответствует, так сказать, приятности момента.

«О чем это он, Боже мой», – подумала Нина, которая никак не могла понять, куда он клонит и что означает эта длинная и совершенно бессмысленная тирада. Ей хотелось как можно скорее уйти.

– Я надеюсь, – продолжал Салтыков, – вы меня понимаете. Что же касается Юрганова… а кстати, как вы узнали, где он?

– Я получила от него записку.

– Записку? – удивился Салтыков. – Каким образом?

– Ее принес какой-то молодой человек. Вероятно, он… – Нина пыталась подобрать слово.

– Сокамерник? – закончил за нее Салтыков. – И что же? Что он пишет?

Вопрос прозвучал так, будто речь идет о новостях с курорта.

– Пишет, что никого не убивал, – тихо и раздельно сказала Нина, которой очень не хотелось отвечать, но она решила, что доведет этот странный разговор до конца.

– Ах, вот как. И все? Больше ничего?

– Больше ничего. Я думаю, это – единственное, что для него сейчас имеет значение.

– И вы верите ему?

– А вы нет? – Нина в упор посмотрела на него.

Салтыков поднял брови.

– Однако… вы так строги со мной.

– Боже мой, нет… Я спрашиваю, потому что вы, в отличие от меня, давно его знаете.

Салтыков вздохнул.

– Дорогая Нина Григорьевна, вы правы: еще совсем недавно я бы и сам бросился на защиту Юрганова, я бы и сам очень хотел верить в его невиновность, но, увы…

– Что же вам мешает?

– Что мешает? – переспросил он. – Факты.

– Вам известны какие-то факты?

– Мне? – Он опять многозначительно усмехнулся. – Ну, разумеется, мне они известны, иначе я бы не стал об этом говорить.

– И вы могли бы сказать мне, что произошло?

– Дорогая Нина Григорьевна, я вижу, вы действительно очень трогательно печетесь о вашем, э-э, знакомце, – простите, я не знаю, какого рода отношения вас связывают, и меня это совершенно не касается, – поспешил он добавить, заметив ее нетерпеливое движение, – но позвольте сказать вам, что подробности, которые вас интересуют, настолько, как бы это выразиться, неаппетитны, что вам, по-моему…

– Пожалуйста, скажите все, что знаете об этом! Мне очень нужно. – Нина чуть не заплакала, так страшно ей стало в эту минуту, так боялась она услышать то, во что никак не хотела верить.

– Ну что ж, раз так, извольте, – Салтыков многозначительно посмотрел на нее, и взгляд его, казалось, говорил: «Ты сама напросилась, вот и получай». – Юрганов, которого я еще совсем недавно рассматривал как своего товарища и порядочного человека, убил и ограбил… женщину. Его взяли практически с поличным, всего перепачканного в крови жертвы, недалеко от места убийства, и в кармане куртки нашли драгоценности убитой.

– Этого не может быть, – проговорила Нина помертвевшими губами.

– Мне очень жаль, – сказал Салтыков, – но я предупреждал.

– Но ведь вы знаете его много лет, вы же сами сказали. И вы верите, что он способен убить человека? – Нина задыхалась.

– Знаете что? – Салтыков резко сменил тон. – Не надо меня пугать. Я столько пережил за последнее время, что сейчас чувствую себя совершенно не в состоянии выслушивать ваши заклинания: «способен, неспособен». Мы подчас про себя-то не очень понимаем, на что мы способны, а на что – нет, а уж про других…

Нина встала.

– Простите, что отняла у вас время, – сказала она и, даже не взглянув на Салтыкова, направилась к двери.

– Подождите, – услышала она его голос у себя за спиной и остановилась, не дойдя двух шагов до выхода. – Я бы не хотел расстаться с вами таким образом. Вы должны меня понять, мне тоже нелегко.

Нина резко повернулась.

– Вам нелегко? Что именно вам нелегко, я не понимаю?

– Ну, вот видите: вы приходите ко мне за помощью и мне же отказываете в способности испытывать человеческие чувства… – Он развел руками и горько улыбнулся.

– О чем вы? Я продолжаю вас не понимать. – Она действительно не понимала, для чего он ходит вокруг да около вместо того, чтобы прямо сказать, в чем дело.

– Вы ставите меня в трудное положение и заставляете говорить о том, о чем бы я говорить не хотел. Ведь в этой истории я потерял жену.

Нина посмотрела на него и в этот момент вспомнила Лёлины слова о каких-то его неприятностях и о «покойной» жене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shkatulova_mariya/ubiystvo-v-ozerkah

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить